

Сокрытое в листве

Автор:

Александр Долгирев

Сокрытое в листве

Александр Сергеевич Долгирев

Июнь 1931-го года в Москве выдался жарким. Особенно жарким он был для двоих следователей МУРа, на плечи которых легло расследование череды странных убийств. Жертвы жили разными жизнями, занимали разное положение и были далеки друг от друга. И все же одна ниточка пронизывала все эти убийства, и на конце этой ниточки ждал призрак из прошлого.

Александр Долгирев

Сокрытое в листве

Пролог

18-е мая 1931-го года.

Над Москвой уже несколько часов властвовала ночь, а я все стоял на безлюдной Тверской и не мог оторвать взгляд от одного из темных окон. Старые дома нависали и давили на меня. Я слышал, что скоро все это уничтожат. Вместо узкой и извилистой улочки проложат по новой моде широченный проспект, а еще один осколок старого мира отправится на покой.

Я оторвал взгляд от окна, которое на первый взгляд ничем не отличалось от прочих, и оглянулся вокруг. Крепкие, основательные здания будут упорно сопротивляться, хотя, конечно, никаких шансов перед человеческой машиной разрушения у них нет. Неожиданно для самого себя я улыбнулся старым домам – между нами оказалось немало общего.

Предательская нервозность и смятение неопытности вдруг оставили меня. Дома будто бы улыбнулись мне в ответ, и в душе засиял огонек умиротворения, вскоре осветивший все мое естество.

Нужно было сделать то, зачем я здесь. Сделать несмотря на весь мой страх и неопытность. Знаешь, я ведь понимаю, что от моего деяния никто не воскреснет и ничто не вернется. Можно сколько угодно разглядывать старые фотокарточки, но детство от этого не возвратится ни на секунду. Только червь ностальгии начнет грызть нутро. Но я оказался здесь не для того, чтобы кормить червя, а потому что попросту не могу иначе. Не теперь.

Пробраться в нужную квартиру мне удалось удивительно легко и бесшумно. Хотя, даже шуми я, как разбушевавшийся пьяница, хозяин, скорее всего, не проснулся бы. Удивительно, как крепко спят мерзавцы! Безмятежно спавший жил в этой трехкомнатной квартире один. Днем в квартире была домработница, но вечером она уходила.

Я завис над кроватью в нерешительности. «Бей сразу. Не думай ни о чем постороннем – лишние мысли вселяют в сердце смуту». Внутренний голос давал дельный совет, но я все же не спешил ему последовать. Я больше не испытывал волнения, скорее оцепенение.

Бывает, идешь по мостовой и видишь какой-то темный предмет впереди. Мысли ленивы и расслабленны, и в разуме невольно возникает вопрос: «Что бы это могло быть?» Действительно, что? Кусок тряпки? Какой-то сверток? Через пару мгновений тебе в голову приходит правильный ответ, и все естество отчего-то передергивает – это раздавленный труп вороны. Если ускорить шаг и не смотреть на мертвую птицу, то эта встреча со смертью смоеется из памяти уже к вечеру. Но если не успеть отвести взгляд, если начать разглядывать неприглядные детали, то тебя охватывает странное оцепенение, и ты пять минут стоишь над трупом вороны, будто бы не существуя, превратившись в созерцание.

Я и сейчас смотрел на труп вороны. Только этот труп еще был живым. Причудливую игру преображающее время исполнило с его лицом. Когда мы виделись в прошлый раз, он выглядел, как мокрый пес, который никогда не ел досыта. С тех пор он привык наедаться, лицо приобрело матерость и даже благородную потертость, а мокрый пес так никуда и не делся.

Я сам не заметил, как сел в кресло напротив кровати. Хотелось читать и смотреть на луну. Луны не было видно из-за туч, поэтому я включил лампу и углубился в свои сегодняшние записи. Не знаю, чего я ждал. Возможно, мне хотелось, чтобы ворона проснулась, хотелось увидеть цвет его глаз.

Не могу сказать, сколько времени прошло. Записи увлекли меня очень сильно. В этот день я решил отвлечься и занялся давней и заброшенной работой над «Песнью о Роланде». Забавно, когда работаешь над текстом, он кажется тебя очень тяжелым, буквально тяжелым. Каждая буква ухает вниз и застревает где-то в районе печени, ложась грузным бременем на душу. Но читая эти же буквы спустя время, ты удивляешься, как они уподобились птицам. Голубям или воробьям...

– Ты кто такой?!

Я посмотрел на ворону поверх своих записей. Глаза были красные от утомления и недосыпа. Он полусидел в неудобной позе, скоро у него затекут руки и начнет ныть правое бедро. Скорее всего, он застыл в том же положении, в котором был, когда заметил меня. Я положил свою записную книжку на подлокотник кресла корешком кверху.

– Не узнаешь меня?

Ворона тщательно ощупывал мое лицо взглядом. Он переменял позу и завел руку под подушку, где у него почти наверняка было оружие – спокойный сон мерзавцев оплачивается необходимостью спать на стали. Я попросил:

– Не делай этого.

– Да кто ты, и как ты здесь оказался, черт тебя побери?!

– Я проследил за тобой до твоего дома, дождался, когда ты уснешь, а потом вошел через дверь...

– Она был заперта!

– Да, я знаю. Не перебивай меня, пожалуйста – это невежливо. Так я оказался здесь, а что касается того, кто я... раз ты не узнал меня, значит, это не важно.

Он неожиданно усмехнулся моим словам. Ему как будто почти не было страшно. Было на самом деле – он слишком часто облизывал губы.

– Ты что, из мстителей каких-то? Я убил твою собаку сто пятьдесят лет назад? Чего тебе надо?!

– Не забивай себе этим голову. Скажи-ка лучше, видел что-нибудь красивое сегодня?

– Да ты просто умалишенный! Слушай, может быть, я смогу тебе помочь?

Меня это развеселило.

– Ты предлагаешь мне помощь? Мне от тебя ничего не нужно.

– Всем что-нибудь нужно! Как тебя зовут?

Мне стало интересно, почему ворона медлит и не пытается напасть. Неужели он действительно думает, что я просто так забрался к нему в дом и готов так легко его покинуть?

– Никак меня не зовут. Что же – пожалуй, ты действительно можешь мне помочь. Я сегодня, точнее уже вчера, сделал несколько записей, пожалуй, мне интересно твое мнение.

Ворона ожидал чего угодно, но только не этого. Впрочем, удивление вскоре сменилось яростью – он решил, что пришло время действовать. Не знаю уж, почему именно теперь – наверное, он понял, что уболтать безумца практически невозможно. Я увидел, как он напрягся всем телом, готовясь выхватывать свое

оружие.

Я, наверное, сотню раз отработал этот элемент, посвятил ему часы и часы, прокручивал его в уме раз за разом, но в бою еще не проводил. На два удара сердца моя рука оказалась на рукояти моего оружия, еще на два оно было направлено на врага. Как музыка в пустом концертном зале.

В иной ситуации я бы улыбнулся и похвалил себя, но теперь было не до этого, кроме того, умение обнажить меч не стоит гордости. Ворона не был дураком – он расслабился и убрал руку от подушки.

– Достань свой пистолет.

– Какой пистолет?

А вот в дурачка ему играть не стоило. Я сделал вид, что раздражаюсь:

– Тот пистолет, который надежно бережет твой ночной отдых. Достань его из-под подушки.

Он достал тяжелое оружие, которое требовало настоящего мастерства для эффективного использования. Я грустно улыбнулся – столь многие получили в руки оружие, которым не могут в полной мере овладеть, что теперь каждый второй выглядит, как мастер, на деле не являясь даже подмастерьем. Впрочем, ворона вполне мог быть настоящим мастером. Я не расслаблялся ни на секунду, глядя на оружие в руке противника, как заклинатель смотрит на змею.

– Брось его на пол.

Ворона посмотрел зло, но сделал, как я попросил. Когда его пистолет, издав тяжелый стук, столкнулся с полом, я подобрал его и положил в свой карман. Теперь мой противник был безоружен, но в его взгляде было столько расчетливой, коварной злобы, что я не сомневался в его опасности. Он бросил мне глухо:

– Ты ведь знаешь, кто я? Знаешь, что я не простой человек! Тронешь меня, и за тобой полгорода начнет бегать. Они загонят тебя и спустят шкуру!

– Конечно, я знаю кто ты. Послушай, мгновения, которые тебе осталось прожить в этом мире, уже посчитаны и скоро подойдут к своему завершению. Попробуй не тратить время на злобу. Попробуй увидеть что-нибудь красивое и наполнить свою беспутную жизнь хоть чем-то по-настоящему прекрасным в последние минуты. Мне давненько не доводилось читать вслух – будешь моим слушателем?

– Чтобы ты потом убил меня?

– Да. Я все равно это сделаю. А так ты окажешь мне любезность, а я дам тебе еще несколько минут.

Ворона рассмеялся и пожал плечами:

– У тебя пистолет – с пистолетом спорить трудно.

– Нет, не трудно. Впрочем, тебе виднее. Итак...

Я взял свою записную книжку левой рукой, разумеется, не убирая пистолет, и стал читать:

И к франкам обращается великолепный Шарль:

«Люблю я вас и верю вам.

Вам довелось сражаться за меня не раз,

Немало вы мне покорили стран.

В награду вам оставить я готов

Сокровища, наделы, самого себя.

За побратимов оплатите лишь сполна.

За тех, кто пал вчера у Ронсеваля...»

Он бросился на меня, вложив всего себя. Это был его лучший шанс, и ворона это понимал. Я продолжал следить за ним краем глаза, поэтому заметил рывок. Не стоит обнажать меч, если не готов пустить его в дело – раздался неожиданно громкий звук. Как гром, который вдруг прогремел не за далеким лесом, а в ближайшем поле. Ворона дернулся в своем рывке и упал обратно на кровать, а потом начал сползать на пол. Он был уже мертв – я смог поразить его в самое сердце. Больные глаза были уставлены в потолок, а под трупом начинала растекаться кровавая лужа.

Я отрешился от всего и прислушался к себе. Более всего я боялся, что не справлюсь, что не смогу. Но вот вторым в очередности моих страхов был страх не выдержать давление свершенного. Я часто прокручивал у себя в голове этот момент и размышлял, на что будут похожи мои чувства. Теперь ответ был мне известен – чувств не будет вовсе. Кроме одного.

Я еще раз посмотрел на труп и не без досады произнес:

– Не стал слушать!

1

Служебная машина заехала за Белкиным, когда солнце только начало разливать свой свет над крышами спящих домов. Стрельников разбудил его, когда Дмитрий почти выбрался из лабиринта. Во время сна воображение Белкина освобождалось из тисков реальности, и он не просто решал головоломку на бумаге, а буквально оказывался в запутанном лабиринте. Теперь, сидя в кузове служебного грузовичка, Дмитрий все пытался вернуться в свой сон и найти выход из лабиринта – решить головоломку. Стрельников между тем наклонился поближе к своему коллеге и начал говорить:

– В доме на Тверской нашли труп. Наш клиент – пулевое ранение. Меня Вуль разбудил – сказал, что дело срочное и до утра не терпит.

– Почему не терпит?

– Он не сказал. Ну, тут вариантов немного – либо покойничек непростой, либо само убийство. Так или иначе, не серчайте, что я вас разбудил, голубчик. Меня самого подняли.

– Конечно, не буду, Виктор Павлович. Мы там одни будем?

– Нет. Вуль сказал, что всех на ноги поднял – даже специалист по отпечаткам пальцев и фотограф будут как только, так сразу. Видать, дело будет шумное...

Дмитрий невольно скривился. Виктор Павлович заметил это и понимающе усмехнулся. Белкин относился к методу дактилоскопии со всем уважением, но вот толпа, суета и беготня его угнетали.

Грузовичок выкатил на Тверскую. Улица была безлюдна – ночное убийство не потревожило ее покой. Водитель высадил их у нужного дома, а сам отправился петлять по дворам, чтобы встать поудобнее – ему предстояло провести у этого дома не меньше пары часов, а до того момента, как проснувшийся народ начнет потихоньку запруживать улицу, оставалось не так много времени.

Этот дом выделялся на фоне соседей – здесь свет горел примерно в половине окон, а у парадного входа переминался высокий молодой парень в светлой форме. Завидев спешащих к нему штатских, парень остановился и заложил руки за спину, изображая незыблемого стража закона. Стрельников на ходу достал свое удостоверение, Дмитрий последовал его примеру. Поравнявшись с милиционером, Виктор Павлович заговорил:

– Московский уголовный розыск. Оперуполномоченный Стрельников.

– Оперуполномоченный Белкин.

Дмитрий не отставал от старшего коллеги. Милиционер чуть расслабился и представился в ответ:

– Милиционер Степанов. Проходите, товарищи, вас уже ждут.

Степанов махнул рукой в сторону прикрытой парадной двери, Дмитрий шагнул было к ней, но Стрельников слегка придержал его и обратился к милиционеру:

– Голубчик, а не вы ли первым прибыли на место?

– Да, я и прибыл.

– А расскажите-ка поподробнее об этом... Вы курите?

Степанов кивнул, и Дмитрий угостил его папиросами, запасенными специально для таких случаев. Стрельников между тем начал спрашивать:

– Вам позвонили или кто-то пришел в отделение?

– Позвонили. Около трех ночи было. Позвонила гражданка... Хромова из двадцатой. У них как раз дверь напротив квартиры убитого.

– И что же она сообщила по телефону?

– Точно не знаю – не я разговаривал. Мне передали, мол поступил вызов, и на Тверской слышали стрельбу.

– Понятно. А вы сами с ней общались?

– Да, конечно. Первым делом постучал в двадцатую. Она сказала, что слышала выстрел из соседней квартиры. Причем, не только она, но и другие жильцы.

– А через какое время после вызова вы были на месте?

– Минут через двадцать, не больше. Мне тут недалеко дойти.

– Пешком?

– Ну да, я же говорю – тут недалеко. Чего бы и не дойти?

Белкин посмотрел на своего старшего коллегу – на лице Стрельникова не промелькнуло ни тени раздражения, которое он в этот момент испытывал. Наоборот, Виктор Павлович сохранял свойственную ему доброжелательность.

Степанов сделал глупость – двадцать минут приятной прогулки по ночному городу, это еще и двадцать минут форы для убийцы. Стрельников продолжил опрос:

– Видели кого-нибудь странного, когда шли сюда или сейчас, пока ждали внизу? Может, ошивался кто или вопросы задавал?

– Да нет. Не было такого.

– Ясно. А как вы узнали о том, что произошло убийство?

– Так я в квартиру зашел!

– И как же? Дверь не была заперта?

– Да, открыто было!

– Вы не спрашивали у гражданки Хромовой, может, у нее был ключ, и она заходила в квартиру убитого, пока ждала вас?

– Ну, я не спрашивал, но не думаю, что она бы стала. Она подойти-то к этой двери боялась, не то что в квартиру войти.

Стрельников кивнул и решительно направился внутрь. Белкин чуть задержался, чтобы спросить:

– У вас есть какой-нибудь транспорт при отделении?

Степанов ответил не без гордости:

– Ага, есть! Грузовик АМО, новехонький!

– Как думаете, за сколько бы вы добрались сюда на грузовике?

– Ну, минут за пять, наверное.

Степанов как будто вовсе не понимал, к чему клонит его собеседник, поэтому Белкин спросил напрямую:

– Тогда почему вы шли пешком, а не ехали?

– Так как же я ночью поеду?! Михалыча ночью нет, а сам я в шоферы не обучен.

Дмитрий тоже с легкостью спрятал свое раздражение – для него это умение было жизненно необходимым. Он распрощался с милиционером, для проформы попросив того посматривать в оба, хотя и не питал никаких сомнений относительно того, что убийца успел уйти уже очень далеко отсюда. После этого Белкин поспешил за Виктором Павловичем.

Двадцать первая квартира была наполнена невыспавшимися людьми. А одна из трех комнат была забита сверх всякой меры. У Дмитрия предательски дернулась щека, когда он увидел такую толпу. Белкин узнал спину дактилоскописта Егорычева, который колдовал над настольной лампой возле кровати. Также здесь трудился со своим громоздким аппаратом фотограф – его имени Дмитрий не знал. Далеко не каждое место преступления удостаивалось того, чтобы быть запечатленным на пленке. Еще здесь был Стрельников, который, пока Белкин застрял внизу, успел без лишних церемоний взять стул и устроиться напротив кровати. Остальную квартиру с внимательной тщательностью осматривал Володя Хворостин – еще один следователь из МУРа. Двое милиционеров также были здесь на всякий случай, правда, они были не в квартире – один стоял у лестницы в коридоре, а второй напротив входной двери. Наконец, в комнате был сам хозяин квартиры – он полулежал на полу рядом с собственной кроватью. Под ним натекла лужица крови, которая уже начала засыхать по краям, превращаясь в стойкое пятно.

Дмитрий кивнул Володе, вдохнул поглубже, собрался с духом и поздоровался с Егорычевым и фотографом за руку. Привычно подавил желание вымыть руки немедленно. Подошел к Стрельникову и посмотрел на труп через плечо старшего коллеги.

Виктор Павлович начал глухо бубнить, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Один выстрел прямо в сердце – похоже на работу мастера.

– Или везунчика.

Дмитрий знал, что ни к кому не обращающийся Стрельников, в действительности обращается именно к нему. Так уж повелось в их совместной работе: один бьет – второй отбивает. Виктор Павлович не стал спорить:

– Или везунчика. Есть выходное отверстие – пулю нужно найти.

– Найду.

– Хорошо. Поищите еще и гильзу – если профессионал, то гильзу не должен был оставить.

– Но ведь он мог стрелять из револьвера – тогда гильзы тоже не останется.

– Тем не менее, поискать стоит.

Белкин пообещал поискать и гильзу, окинул взглядом помещение, прикидывая масштаб предстоящей работы. Комната была довольно просторной, кроме того, мебели здесь хватало – доказать, что здесь чего-то нет, было довольно трудной задачей.

Стрельников крикнул, обращаясь к Хворостину, находившемуся в соседней комнате:

– Пропало что-нибудь, Володя?!

– Никак нет, Виктор Палыч!

Хворостин не стал дальше кричать, вошел в спальню и произнес уже вполголоса:

– Никак нет, Виктор Палыч. И не искали, судя по всему. Деньги на месте. Портсигар дорогой в сервизе на видном месте, Орден Красного Знамени там же и тоже на виду. Может что-то и взяли, но квартиру точно не обыскивали.

Стрельников рассеянно поблагодарил Хворостина и вновь обратился к труп на полу. Дмитрий тоже смотрел на убитого – Орден Красного Знамени – мертвец действительно был не из простых. Виктор Павлович вдруг встал и принялся ходить по комнате, неотрывно глядя на труп. Он чуть не запнулся о фотографа, но, быстро бросив извинения, продолжил свое странное движение. Дмитрий понял, что пытается делать коллега, и ответил на незаданный вопрос:

– Кресло напротив кровати, Виктор Павлович.

Все в положении тела говорило Белкину о том, что стреляли именно из кресла. Он даже сам не мог себе этого до конца объяснить, но и сам выстрел и полет пули и то, что случилось с телом после того, как пуля в него вошла – все это он мог восстановить в уме легко и отталкиваясь лишь от вещей косвенных, случайных. Стрельников умел разговаривать с людьми, а он – Белкин – умел замечать мелочи.

В комнате царила идеальная чистота и прибранность, если не считать трех вещей. Пятно крови на полу, разобранная постель и примятая накидка на кресле. Ее мог примять и сам убитый, присев в кресло накануне вечером, и само по себе это обстоятельство ни о чем не говорило, однако ноги трупа были также направлены к креслу, как будто его какой-то силой толкнуло с той стороны и повалило. Собственно, так и было – этой силой была пуля.

Виктор Павлович, спросил у Егорычева, теперь трудившегося с ручкой двери, и у фотографа, садился ли кто-нибудь из них в кресло, услышал отрицательные ответы, а после этого уселся сам и вновь глухо протянул:

– Возможно. Очень даже возможно. Тогда точно не профессионал.

– Профессионал войдет, выстрелит и уйдет.

– Именно! А этот вошел и сел в кресло. Зачем?

– Может, они говорили?

– Может. Значит, они знакомы.

- Не обязательно. Что если убийца хотел что-то сказать перед тем, как убить?
- Ты приходишь ночью, прокрадываешься в квартиру...
- А кто сказал, что он прокрался? Убитый мог сам его впустить.
- Нет, не мог. Он в одном лишь исподнем – не принимают гостей в таком виде.

Белкин был вынужден согласиться с этим выводом. Этот обмен остался за Стрельниковым. Виктор Павлович откинул голову на спинку кресла и неожиданно зевнул, едва успев закрыться рукой. Потом встал и направился к двери:

- Так, голубчик, посмотрите здесь все, что высмотрите. Жду от вас пулю и, если повезет, гильзу... Александр Филиппович, есть что-нибудь?

Неразговорчивый Егорычев отвлекся от ручки чулана и подслеповато посмотрел на Стрельникова:

- Есть и даже в достатке, да только губу не выкатывай слишком сильно, Виктор Палыч – это спальня, а не операционная – здесь и должно быть много «пальчиков».

Стрельников кивнул, но дактилоскопист даже не увидел этого, уже вернувшись к своей работе.

- Товарищи, отойдите, пожалуйста, к двери – мне нужно сделать еще один общий план.

Дмитрий убрал от трупа стул и встал рядом со Стрельниковым. Виктор Павлович спохватился и передал ему партбилет.

- Вот, познакомьтесь с нашим убитым.

Убитого звали Матвей Осипенко. И вскоре на основании партбилета и документов, которые удалось найти Хворостину, перед Белкиным начал выстраиваться образ этого человека.

Осипенко Матвей Григорьевич 1894-го года рождения, уроженец села Ковяги Харьковской губернии, русский – это говорил паспорт. А партбилет говорил о том, что Матвей Григорьевич вступил в партию в сентябре 1920-го года. Документ был выдан ему Тамбовским губисполкомом. Годом рождения в партбилете был указан, кстати, 1893-й, а не 1894-й, впрочем, такие накладки случались. Еще из странного обратило на себя внимание то, что пометка об уплате членских взносов за 1920-й и первую половину 1921-го года была как будто поставлена задним числом – той же печатью, что и пометки за 25-й год.

Наградной документ к Ордену Красного Знамени рассказывал о том, что товарищ Осипенко проявил мужество и героизм при разгроме контрреволюционных банд в Тамбовской губернии. Написано было как-то очень уж обще – без деталей, без указаний обстоятельств собственно подвига. Сам орден был начищенным и будто бы совсем новехоньким, словно Осипенко его почти не носил.

В общем-то, на полу у собственной кровати лежало тело большевика из «сочувствующих» – не старого борца, который видел еще царские каторги и застенки, а одного из революционных солдат или рабочих, подхваченных революцией и Гражданской войной. Белкин неосознанно сравнил физиономию трупа с фотокарточкой в паспорте – привычка сработала.

Информации о том, чем товарищ Осипенко занимался в последние годы, Володя при беглом осмотре квартиры не нашел, а углубляться не спешил. Дмитрий спросил его об этом – оказывается, Хворостину был дан прямой приказ не трогать рабочий стол убитого и провести лишь поверхностный осмотр. Белкин примерно понимал, что это значит. Что мертвец совсем непростой, а дело взято на контроль кем-то из весьма высокого начальства. Более высокого, чем начальство МУРа.

Очень оперативно. В три часа ночи поступает сообщение о стрельбе в квартире Осипенко, а уже через два неполных часа у большого начальства все схвачено. В голове у Дмитрия вдруг возник вопрос: «Интересно, а Виктор Павлович уже

понимает, что нам придется работать с тем, что нам разрешат узнать?»

Фотограф собрал свой аппарат и удалился, Егорычев теперь возился в другой комнате, Володя Хворостин отправился помогать Стрельникову, и Белкин наконец-то остался один в комнате. Этим нужно было воспользоваться.

Пуля нашлась довольно быстро. Пробив тело Осипенко, она пошла дальше, врезалась в стену, но не застряла, а скрикошетила, оставив на стене очень малозаметную щербину. После этого она оказалась на полу и «упрыгала» под кровать. Белкин без труда дотянулся до смятого свинцового комочка с обрывками латунной оболочки. Дмитрий еще раз прикинул расстояние от кресла, из которого стреляли, до трупа, а потом от трупа до стены. Также он прикинул угол, под которым пуля должна была войти в стену – именно войти, а не отскочить, оставив лишь маленькую вмятину.

Дмитрий сел в кресло, чтобы немного поразмыслить об этом. Разумеется, пуля потеряла часть силы, пройдя через человеческую ткань, но она прошла гладко и ровно – не разорвалась, не «запнулась» о кость, не завертелась. Аккуратное входное и аккуратное выходное отверстия тоже свидетельствовали, что ничто в теле Матвея Осипенко не помешало смертельному полету маленькой железной пчелы. Осипенко жил в большой и богатой квартире. Спальня в этой квартире тоже была просторной, но только не по меркам баллистического снаряда подобного пуле. И все же, покинув тело Матвея Григорьевича, пуля не понеслась, а «поползла» дальше и добралась до стены едва ли не на излете.

Дмитрий поднял комочек на уровень глаз – это не был какой-то сверхмалый калибр. Да, пуля была небольшой, но все же вполне обычного для пистолета размера. Спустя минуту Белкин завернул находку в платок и убрал в нагрудный карман – были в ведомстве люди, для которых ответ на вопрос, почему пуля ведет себя так, а не иначе, был профессией – им и предстояло разгадывать загадку этого выстрела. А Дмитрию предстояло обползать на коленях всю комнату и заглянуть под всю мебель в поисках гильзы.

Однако стоило Белкину расстроиться из-за нерадужных перспектив, как гильза нашлась. Она спряталась за ножкой кресла. Дмитрий аккуратно подцепил гильзу карандашом и вытащил на свет. А после этого позволил себе улыбку – с гильзой тоже было что-то странное. Впрочем, не настолько странное, как с пулей – просто Белкин никогда прежде не видел таких гильз. «Необычная пуля и необычная гильза, значит, необычный пистолет!»

Дмитрий вновь устроился в кресло и обвел комнату взглядом, навалилась вдруг усталость и недосып, а в уме зашевелилась мысль: «Скорее всего, работал все же профессионал. Необычное оружие, которое всплыло лишь для этого выстрела, а теперь тяжело и неумолимо опускается на дно Москвы-реки. Четкое проникновение, четкий выстрел. А то, что в кресло садился... да мало ли по каким делам – может, ноги болят! А может, и действительно хотел сказать что-то этому Осипенко. Даже у профессионалов бывают личные счеты». Пока что все это напоминало «глухарь».

Через несколько минут в комнату вошел криминалист Пиотровский. Грузный и невысокий, поразительно неловкий до той поры, пока не начиналась работа. Однако стоило Нестору Адриановичу оказаться в поле своей профессиональной деятельности, как он уподоблялся ловкостью и аккуратностью коту. Белкину нравился и сам криминалист, и его работа – он чувствовал в Пиотровском что-то вроде родственной души.

Нестор Адрианович, разумеется, тоже был невыспавшимся, что, наложившись на его природную ворчливость, породило неиссякаемый источник желчи. Он даже вошел в комнату на середине очередной ворчливой фразы:

– ...шумят, носы в коридор кажут... нет бы, как покойничек – спокойно, смиренно и без единого звука! Доброе утро, Митя!

– Доброе утро, Нестор Адрианович.

– Хотя какое же доброе? Нет бы дать честному советскому криминалисту сон про пятно от томатного сока досмотреть... Что тут у нас, Митя?

– Пулевое. Единственный выстрел в сердце.

– Прошла?

Дмитрий понял, что Пиотровский говорит о пуле, и полез в карман за платком.

– Да, прошла. И гильзу я нашел.

Белкин развернул платок, и криминалист тут же подхватил гильзу невесть откуда скользнувшим ему в руку пинцетом. Пиотровский буквально вцепился в гильзу внимательным взглядом. Примерно через минуту он проговорил, не отрывая взгляд от металлического цилиндрика:

– Трогали пальцами?

– Обижаете, Нестор Адрианович.

– Вы правы – обижаю – простите, Митя. Егорычев здесь все уже обсмотрел?

– Да, кроме гильзы.

– Хорошо, конечно, что пальцами все подряд не лапаете, но на гильзе отпечатков нет, так что Егорычеву тут поживиться будет нечем.

– Можете сказать, что за патрон?

Пиотровский еще раз внимательно оглядел гильзу, на которой не было ни клейма, ни маркировки, а затем задумчиво протянул:

– Могу, конечно, но потом... Так, а пуля?

– Странная пуля, Нестор Адрианович, по всему должна была в стене застрять, а отскочила.

– Станных пуль не бывает, Митя, только странное оружие.

Теперь в пинцете была зажата смятая пуля, которую Пиотровский подверг не менее тщательному осмотру, чем гильзу. Белкин между тем ответил:

– Я тоже так подумал. Причем, оружие редкое – я такого никогда не видел.

– У вас слишком мало седых волос, чтобы говорить такие вещи, Митя. А вот у меня мерзкое чувство, что я такую гильзу уже видел, но вспомнить не могу – возможно, просто кажется.

Следующие две минуты прошли в молчании. Пиотровский продолжал разглядывать то пулю, то гильзу, а Белкин старался ему не мешать. Наконец Нестор Адрианович шумно выдохнул и оставил улики в покое. Он достал небольшую коробочку с множеством отделов и переложил скромные находки Дмитрия с платка в эту коробочку. После этого обвел взглядом комнату, в которой ему предстояло провести немало времени. Неожиданно Нестор Адрианович усмехнулся и произнес:

– Вот никак не могу понять, как и каким местом нужно служить советской власти, чтобы закончить жизнь в таких хоромах?

3

Если товарищ Осипенко жил один в трех комнатах, то в соседней квартире аналогичного размера жило уже шесть человек. Одиноким старик, вдова и молодая семья с двумя маленькими детьми. Впрочем, условия были вполне достойные, даже имелся пусть и старенький, но все еще рабочий телефонный аппарат. Именно из этой квартиры поступил вызов.

К тому моменту, когда Белкин оставил криминалиста работать, и присоединился к Виктору Павловичу, Стрельников уже пообщался с гражданкой Хромовой – вдовой комиссара, погибшего еще в Гражданскую. Именно она позвонила в милицию. Растрепанная стареющая женщина все еще пребывала в расстроенных чувствах. Дмитрий как раз столкнулся с ней, когда она выходила из общей кухоньки. Хромова громко всхлипнула и юркнула в одну из комнат, ничего не ответив на его извинения. Белкин остановился на мгновение, приходя в себя после неожиданного и слишком сильного сближения с другим человеком, но тряхнул головой, глубоко вздохнул и решительно прошел на кухню.

Здесь были только Стрельников и хмурый мужчина лет тридцати, который отвечал на вопросы старого следователя и одновременно немного суетливо чистил отварную картошку себе на завтрак. Виктор Павлович не высказывал по этому поводу никаких возражений – смерть смертью, а смена сменой, и перед сменой нужно поесть.

– Хорошо, Иван Сергеевич, а когда в таком случае вы видели товарища Осипенко в прошлый раз?

– Позавчера. Утром. Я выходил на работу, за ним тоже заехали.

– Он вел себя как обычно? Не был возбужден или встревожен чем-то?

– Да нет, вроде. Только я его знал-то плохо. Мы поздоровались и все.

– И с тех пор вы его не видели?

– Ну да, я же говорю.

Стрельников пометил что-то на исписанном листке, который лежал перед ним. После этого поднял голову и только теперь увидел вошедшего Дмитрия.

– Ну что, голубчик, нашли пулю?

– Да, Виктор Павлович. И пулю и гильзу.

– Отлично! И что у нас по оружию?

– Сразу понять не смог – никогда таких гильз раньше не видел. Отдал все Нестору Адриановичу.

Стрельников хмыкнул и задумался, спустя минуту он едва заметно кивнул своим мыслям и произнес:

– Ладно, будем надеяться, что Нестор Адрианович разгадает эту вашу странную гильзу. Я отправил Хворостина по соседним квартирам, можете ему в помощь поступить, а можете мне здесь помочь. Пока я с товарищем Петровым беседую, поговорите с гражданином Кауфманом – его комната в конце коридора.

Стрельников вновь обратился к своему листку, а потом спросил у Петрова:

– Я так толком и не смог добиться у Галины Михайловны – у убитого совсем никого не было? Никогда гости не приходили? Может, женщина?

– Ну, я так-то не подсматривал, конечно, да и нету меня днями дома. Тут лучше у жены моей Вари спросите – она с малыми сидит, так что больше меня про домашние дела да про соседей знает. А по поводу женщин – да не было у него никого. Я имею в виду так, чтобы жена, чтобы хозяйка в доме. За порядком уборщица следила. Но вот просто девицы иногда были. Всегда разные, всегда не больше чем на ночь. Тут уж вы сами, товарищ следователь, думайте... Будете?

Петров справился, наконец, с кожурой клубня и протянул картошку Стрельникову. Виктор Павлович не стал отказываться:

– О, благодарствую! Нас сегодня в такую рань подняли, что иные и поужинать не успели!

Дмитрий дошел до нужной двери в конце коридора, аккуратно переступая через разнообразные неприбранности. Зимняя одежда висела прямо на стене, дожидаясь своей нескорой очереди, под ней успокоились валенки и сапоги. Вдоль правой стены на полу выстроились четыре закатанные банки с соленьями, а два раза под ноги Дмитрию попались детские кубики, и он мог только вообразить, какая брань могла бы подняться ночью, если бы кто-нибудь на них наступил. Света было мало – единственная лампочка висела прямо над входной дверью, а Белкину нужно было в противоположный конец коридора. Дмитрий в очередной раз возблагодарил судьбу, что его комната самая ближняя к входной двери, и ему нечасто приходится разгуливать по коридору в своей коммуналке, мало чем отличающейся от этой.

Дмитрий поравнялся с дверью гражданина Кауфмана и глубоко вдохнул – он не любил эту часть своей работы. Тонкими знаниями человеческой натуры Белкин не обладал, а само общение с малознакомыми людьми было ему в тягость. Он снова позавидовал Виктору Павловичу, который умел расположить к себе практически любого человека самой мелочью и замечал даже малейшие черты своего собеседника.

Впрочем, вечно стоять перед закрытой дверью у Белкина не получилось бы – он негромко постучал:

– Галя, это ты? Я завтракать не пойду!

Слабый старческий голос показался Дмитрию умоляющим и плаксивым, однако это ощущение могло возникнуть из-за закрытой двери.

– Гражданин Кауфман, это милиция. Позвольте войти?

Дмитрий ждал несколько минут, но ответа все не было, наконец, он попробовал толкнуть дверь, и та со скрипом отворилась. В комнате царил тихий одинокий вечер, несмотря на то, что в Москве было ясное солнечное утро. Плотные, полностью скрадывающие солнечный свет шторы были задернуты, зато настольная лампа рядом с узкой кроватью оказалась включена. На кровати сидел сутулый старик. Он уже успел убрать постель и полностью оделся. Теперь старик подслеповато смотрел на своего гостя, отвлекшись от чтения какой-то книги. Неожиданно Кауфман улыбнулся щербатым ртом:

– Как будто вам нужно мое позволение, молодой человек!

Дмитрия подмывало ответить: «А вы рассчитывали, что мне надоест ждать, и я уйду?», но он сдержал себя, вместо этого попытавшись ответить улыбкой на улыбку:

– Простите, гражданин Кауфман...

Старик неожиданно перебил Белкина:

– Простите вы, молодой человек, но можно я не буду гражданином? Можно буду Абрамом Осиповичем, господином Кауфманом, стариком Абрамом на худой конец?

Вот поэтому Дмитрий и не любил общаться с людьми – никогда не знаешь, чего от них ожидать и какие странности можно услышать. К счастью, вежливость Белкина нашлась быстрее, чем он сам:

– Хорошо, Абрам Осипович. Московский уголовный розыск, оперуполномоченный Белкин. Так мне можно войти?

– Вы уже вошли, молодой человек.

– Да, но...

– Но хватит мяться, молодой человек! Раз уж вошли, то садитесь. Чего вам нужно от жильца из самой дальней комнаты?

Дмитрий чувствовал, что начинает краснеть – вот это было даже для него странновато. Старик отчего-то очень его смущал. Белкин устроился на табурете напротив Кауфмана и стал старательно разглядывать старую этажерку, которая служила старику и прикроватной тумбой, и местом для чтения, а иногда и трапезным столом, судя по нескольким застарелым пятнам. Этажерка была Белкину неинтересна, просто смотреть людям в глаза иногда очень нелегко. Наконец, Дмитрий справился с собой и посмотрел на старика – тот, казалось, так и провел все это время с ехидной улыбкой на лице. Кауфман произнес:

– А я уж думал, что нынешние полицейские даже прожигать взглядом разучились.

– Я не полицейский.

– Да все едино, молодой человек! Ладно, чего вам?

– Вы знаете, что вашего соседа из квартиры напротив убили?

– Конечно, знаю. Галя тут ночью устроила концерт. Большую часть времени умная женщина, а иногда дура дурой – чего кричать-то?! Ну, услышала ты что-то, позвала городского, ну и сиди себе ровно – пусть люди работают. Но ведь нет, нужно всех перебудить! Нужно растолкать Ваню, который устает так, что заснуть иногда по два часа не может, нужно всполошить Варю, которая с детьми издерганная, самих детей тоже, разумеется, нужно разбудить, чтобы орать в три горла, а не в одно...

Дмитрий почувствовал подходящий момент и перебил ворчание старика:

– А вас?

– Чего меня?

– Вас она тоже разбудила?

– Нет, я не ложился еще.

– То есть, вы тоже слышали выстрел?

– Я слышал, как упало что-то вроде книги – это только потом по Галиным причитаниям я понял, что это была за книга.

– А в каком часу это было?

– Ууу, вы бы еще спросили, какая погода была в этот момент в Бобруйске, молодой человек! Я ночью время совсем не понимаю. Вроде и долго тянется, а протягивается быстро. По мне бы и сейчас ночь, может, и спать лягу, как вам со мной общаться надоест.

– А что было потом, после падения книги?

– Я же говорю – Галя переполох устроила, но мне то не очень интересно было. Мне больше вот.

Старик перевернул книгу обложкой кверху – книга называлась «Дни» и принадлежала перу некоего В. Шульгина. В памяти Белкина зашевелилось что-то – осколок какого-то воспоминания, связанного с этой фамилией, но дальше зуда в разуме он продвинуться не смог.

Старик снова положил книгу разворотом к себе и задумчиво произнес:

– Где-то мы все ошиблись...

Дмитрий, видя, что Кауфман стремительно теряет интерес к беседе, поспешил поменять тему:

– А вы с убитым были знакомы лично?

Теперь старик не смотрел в лицо своего собеседника – он вцепился взглядом в какую-то невидимую точку на шторах. Затем Абрам Осипович неожиданно резким движением захлопнул книгу и посмотрел на милиционера со странной злобой:

– К глубокому стыду своему был! Но дружбы не водил – с палачами отродясь за панибрата не был!

– Но вы виделись с ним иногда?

Дмитрий постарался, чтобы его вопрос не спровоцировал новую вспышку гнева у старика, но тот, казалось, обессилел от прошлой своей вспышки и теперь отвечал спокойно:

– Да, иногда виделся. Если он со мной здоровался, то я его приветствовал, если не здоровался, то не приветствовал.

– То есть, вы не общались с ним и не можете сказать, что он был за человек?

– О, милостивый государь, как раз это я могу сказать! Только он был не человек, а бешеный пес, которого не пристрелили по недосмотру. Хорошо, что нашлась твердая рука, которая это исправила!

Когда ему только дали двадцать первую квартиру, он был весь начищенный, искрящийся, прямо блестящий армейский сапог! И пообщаться любил, и в гости захаживал, а как выпьет, вещи начинал рассказывать...

– Какие вещи, Абрам Осипович?

– Нехорошие, молодой человек! Нехорошие. Года три назад он отмечать Первомай начал, видимо, еще с утра, а к вечеру к нам в гости стал проситься. Ваня уже сам был хороший, поэтому впустил. А этот, как начал рассказывать про гранаты с газом, да про то, как он «антоновцев» по тамбовским лесам давил... Женщин перепугал, потом безобразничать начал, ну Ваня его с лестницы и спустил. Я по водке не любитель, молодой человек, но после того, что этот тут понарасказывал, захотелось очень сильно, причем не по одной, не по две и не по пять! На следующий день он протрезвел, пришел, извинился – все чин по чину.

Только сидел с тех пор в своей трехкомнатной меблированной клетке и за общий стол не просился, а мы не звали.

Старик замолчал, потом вдруг снова открыл книгу и принялся читать с произвольного места, будто бы вовсе забыв о присутствии гостя. Дмитрий окинул Кауфмана взглядом и мысленно помотал головой – быть не могло того, чтобы этот усталый старик вдруг превратил свою досаду на эпоху в план убийства, да еще такой четко исполненный. Впрочем, это еще стоило обсудить с Виктором Павловичем.

Будто в ответ на мысли Белкина в дверь постучали. Абрам Осипович отвлекся от книги и снова крикнул:

– Галя, к завтраку не ждите!

Однако за дверью вновь была не Галя.

– Митя, вы там? Это Стрельников.

– Да, Виктор Павлович!

– Выйдите на минутку, пожалуйста. Тут некоторые обстоятельства решили измениться.

4

В двадцатой квартире многое переменилось за то время, пока Дмитрий общался с гражданином Кауфманом. На кухне больше не было рабочего Петрова, отправившегося, скорее всего, на смену. Зато здесь собрались все представители власти, которых Белкин успел повидать за это утро. Он увидел и грузную фигуру криминалиста Пиотровского, и задумчивое лицо Володи Хворостина, и отрешенного Егорычева. Здесь были даже двое милиционеров, стоявших на страже двадцатой квартиры. Стоял, обливаясь отчего-то потом, и милиционер Степанов, первым увидевший тело Осипенко. Не хватало только самого Дмитрия и Виктора Павловича, который сейчас шел следом за своим

молодым коллегой.

Однако были на кухне и новые лица. Одно из них Белкин узнал – это был начальник МУРа Леонид Давидович Вуль. Товарищ начальник был хмур и сосредоточен. Он явно чего-то ждал. Или кого-то. Дмитрий немного оцепенел, увидев высокое начальство, но Стрельников легко подтолкнул его в спину. Виктор Павлович сохранял, казалось, полную невозмутимость.

Вторым же новоприбывшим был высокий темноволосый человек в форменной гимнастерке. Он стоял спиной к Белкину, поэтому Дмитрий не видел его петлицы. Темноволосый услышал их шаги и резко развернулся. На красных петлицах были две «шпалы». «Вот и тяжелая артиллерия подтянулась» – с долей разочарования подумал Белкин. Темноволосый был из ОГПУ, а это значило, что то самое начальство, которое запретило милиционерам приближаться к рабочему столу Осипенко, теперь бралось за дело само. В общем-то, это было ожидаемо.

Темноволосый спросил:

– Теперь все?

Дмитрию потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что вопрос обращен не к нему. Стрельников ответил из-за спины:

– Да, товарищ Владимиров.

Виктор Павлович выскользнул из-за спины Дмитрия и устроился на облюбованном им еще во время опросов табурете. Белкин остался стоять в дверях. Товарищ начальник продолжал с молчаливой сосредоточенностью буравить взглядом немного грязноватое окно, а вот Владимиров убрал какую-то бумагу в нагрудный карман, обвел взглядом собравшихся милиционеров и заговорил:

– Доброе утро, товарищи. Я оперативный уполномоченный Владимиров. В первую очередь благодарю всех вас за быструю и качественную реакцию на убийство товарища Осипенко. Однако это убийство – дело политической важности, поэтому заниматься его расследованием далее будет Политическое управление. Будет сформирована особая группа, которая в кратчайшие сроки найдет и

придаст преступника правосудию.

Таким образом, из ведения МУРа это дело изымается. Но это не значит, что мне, как старшему следователю этой группы не будет нужна ваша помощь. Сегодня вечером я жду от каждого из вас письменные отчеты о проделанной по этому делу работе. От того момента, как вы были вызваны на место убийства и до этой самой минуты.

И еще, товарищи, о том, что вы увидели в квартире покойного, как и о прочих обстоятельствах этого дела не распространяйтесь даже коллегам. Это очень важно.

Сказав это, Владимиров поочередно заглянул в глаза всем присутствующим, но его слова и без того все поняли правильно. После этого он обернулся к Степанову и двум милиционерам, которые явно чувствовали себя не в своей тарелке:

– Вас, товарищи, прошу принести свои отчеты на Петровку, 38 и передать через дежурного «для товарища Владимирова». Товарищ начальник, предупредите дежурного.

Вуль кивнул, не произнеся ни слова. Владимиров продолжил:

– Отчеты должны быть готовы сегодня к вечеру – это обязательно. Отложите все дела и обязанности, если потребуется. Все, товарищи, можете возвращаться к работе.

Милиционеры заспешили к выходу так, что Белкин едва успел уступить им дорогу. Дмитрий с трудом сдержал неприязненное выражение – кухня была слишком тесной для них всех. Впрочем, теперь, в ней стало на три человека меньше. Владимиров вновь заговорил:

– Так, товарищи, кто из вас прибыл на место преступления первым?

– Я, товарищ Владимиров.

Откликнулся Хворостин.

– Вы читали бумаги покойного?

Володя бросил взгляд на спину начальника и ответил:

– Сделал все, как велел товарищ Вуль – провел лишь поверхностный осмотр, не подходил к рабочему столу убитого. Я нашел лишь партбилет и паспорт, но они были в одежде убитого, а также наградную бумагу, но она тоже была на видном месте.

Владимиров кивнул:

– Хорошо. С вами я хочу поговорить отдельно. Жду так же письменный отчет.

Пришла очередь специалистов:

– Товарищи, вы закончили свои изыскания?

Ответы Егорычева и Пиотровского отличались. Нестор Адрианович только начал, а вот прибывший раньше дактилоскопист уже закончил.

– В таком случае, товарищ Егорычев, жду от вас отчет и очень рассчитываю, что к вечеру уже будут определенные результаты. А вас, товарищ Пиотровский, прошу вернуться к работе. Теперь вы поступаете под мое руководство и входите в следственную группу.

После ухода Пиотровского и Егорычева в кухне стало еще просторнее. Очередь, наконец, дошла до Белкина и Стрельникова.

– Вы тоже не трогали документы убитого?

Услышав утвердительные ответы, Владимиров удовлетворенно кивнул.

– Хорошо. Тогда жду от вас отчеты и... не бойтесь отступить от сухой формулы: «был там-то – делал то-то». Свободно делитесь соображениями и идеями. Сами знаете – первый, кто был на месте, увидел больше всех. Работать следственная группа будет на Петровке, так что обращайтесь даже если что-то придет в голову уже после сдачи отчета. То же самое касается и вас, товарищ Хворостин.

Самое главное, товарищи – вы не сняты с этого расследования. Я понимаю, что у вас и так много работы, поэтому постараюсь не дергать вас лишний раз, но если мне понадобится ваша помощь, вы незамедлительно должны ее оказать. Надеюсь на вас. Вопросы?

Вопросы оказались лишь у Виктора Павловича:

– Позвольте, товарищ Владимиров. Мы понимаем, что важные дела шума не любят, и это не исключение, но позволено ли нам будет узнать хотя бы, кем был товарищ Осипенко, раз его гибель стала делом политической важности? Дело ведь не в праздном любопытстве – вы сказали, что следственной группе может потребоваться наша помощь, но слепой зрячему помочь не может.

Владимиров задумался на некоторое время, а после этого произнес:

– Пожалуй, в ваших словах есть доля истины. Я не могу сказать вам о делах товарища Осипенко, скажу лишь, что он заведовал определенными научными изысканиями в области перспективного вооружения. Это все, чем я могу пока что с вами поделиться.

– А большего и не нужно, товарищ Владимиров.

Виктор Павлович произнес эти слова с вежливой улыбкой, на которую Владимиров ответил кивком.

– Еще вопросы?

Но больше вопросов не было, а если и были, то их предпочли не задавать. И с товарищем Осипенко, и со столь большой заинтересованностью ОГПУ поисками его убийцы все было понятно. Только с самим убийцей не было понятно ничего. В разуме Белкина закрутилась с новой силой мысль о необычной гильзе – необычное оружие и перспективные вооружения – казалось, что это были ягоды одного поля. Впрочем, в мире много странного оружия. Так или иначе, теперь это было не дело Белкина.

Дмитрий отвлекся от своих размышлений – Владимиров оставил Хворостина, остался в квартире и Вуль, а вот Стрельникову и Белкину на Тверской больше

делать было нечего. Теперь они тряслись в грузовике, направляясь к родному ведомству. Впереди был рабочий день.

– Вот бы с них за переработку стрясти!

Виктор Павлович дал волю чувствам после того, как в очередной раз широко зевнул. Дмитрий понимал коллегу и даже испытывал некоторую досаду от того, что их раннее пробуждение, по сути, оказалось бесполезным и бессмысленным.

– Думаете, все дело в его работе?

Виктор Павлович сразу понял, о чем идет речь, и наклонился ближе к Белкину:

– Думаю, что теперь это не моя забота, голубчик. Пускай товарищи из Политического разбираются и с пулей, и с гильзой, и со связями Осипенко.

– Неужели вам совсем неинтересно?

– Совсем. После слов «перспективные вооружения» мне стало невыносимо скучно. Я даже благодарен этому Владимирову за то, что он их произнес. Да и признаться честно, Митя, за время знакомства с товарищем Осипенко я как-то не смог проникнуться к нему особой симпатией, поэтому я даже рад тому, что теперь он будет чужой головной болью.

5

Следующие четыре дня прошли для Дмитрия в типичной рабочей рутине. Старые расследования, несколько вызовов, а под конец недели странная кража с проникновением за надежную дверь. Стрельников как будто бы узнал эту работу, во всяком случае, цокнул языком и покачал головой, увидев тяжеленную дверь, которую не каждая динамитная шашка возьмет, а после этого проговорил: «Сколько лет? Сколько зим?»

Мысли о странном убийстве на Тверской не оставили разум Белкина – он мог держать головоломки в своей голове очень долго, решая их в свободные минуты.

Однако нельзя решить головоломку, имея лишь обрывки ключа от нее, и не будучи уверенным, что этот ключ вообще от этой головоломки – Дмитрию нужна была информация. То, что нашел Егорычев, выводы Пиотровского, наблюдения Хворостина – ничего из этого у него не было и никто не собирался ему это давать, так что Дмитрий достаточно решительно отставил эту головоломку, надеясь лишь, что когда-нибудь увидит ее решенной.

Теперь у Белкина был выходной. День не задался с самого утра – он проснулся от громкой ссоры соседей на кухне. Засунул голову под подушку – от звуков брани спрятаться получилось, но сон уже махнул ему на прощание рукой, поэтому пришлось вставать. После этого Дмитрий ждал, пока соседи позавтракают и уйдут с кухни. Белкин ругал себя и уговаривал, но просто не мог заставить себя выйти и погрузиться в ворчание, копошение и мельтешение человеческих душ. Ему стало жаль, что сегодня выходной – как ни странно, Дмитрию очень неплохо работалось в такие дни. Возможно, дело было в том, что на службе он был вынужден держать себя в руках, вынужден был сам себя трясти за плечи и самому себе давать отрезвляющие пощечины.

Белкин затравленно оглядел свою комнату. Оглядел идеальную чистоту и прибранность, и карандаши на столе, разложенные по длине, красиво, один к одному. Так не хотелось сегодня выходить из этой комнаты, из этого стабильного и изученного места, из дома. Не хотелось никого видеть и слышать, не хотелось чувствовать ничей запах и шевеление чужих мыслей. И одновременно хотелось противоположного – чтобы сейчас кто-то возник в комнате и обругал, заставил быть нормальным, заставил быть приветливым и раскованным, и даже обаятельным.

Белкин вновь обвел взглядом убежище – пустое и холодное, стабильное и привычное, но все равно неуютное. Два стула, стол, кушетка, комод. В этой комнате все было настолько на своих местах, что жилец был ей попросту не нужен. Дмитрий понял, что теперь его смущенные мысли пытались найти причину уйти отсюда.

Он выбрался на улицу через двадцать минут, кое-как закусив вареным яйцом под тошнотворно-приторное сюсюканье соседней мамы со своим двухлетним чадом. Это было тяжело для Дмитрия, но зато из коммуналки он после этого вылетел, как ужаленный. И окунулся в гвалт и шум, в говорение, тархтение и стрекотание. До причины, подтолкнувшей его покинуть дом, идти было около часа – ехать на трамвае намного меньше. Мимо как раз проезжал один.

Набитый до самых краев, с руками, ногами, головами и задями, торчащими из всех окон и дверей, с крикливыми мальчишками, облюбовавшими «колбасу», трамвай был похож на какое-то животное. Точнее, на насекомое. Шумное, большое и совершенно неразумное, живущее инстинктами, непрестанно жрущее и непрестанно испражняющееся. Насекомое, казалось, имело глаза со всех сторон, и Дмитрий каждым сантиметром кожи чувствовал его голодный взгляд. Белкин отвернулся от трамвая. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы забраться в его разгоряченные недра, в сочленения его пластин, в копошение мириад лапок, усиков, жвал и иных отростков.

На улице все же было полегче. В действительности, с каждым шагом в душе Белкина разливалась нормальность. Он больше не смотрел на весь мир с отвращением, а иногда даже заглядывал в лица спешащих прохожих. Порой привычная тяжесть уходила, и он начинал получать странное удовольствие, проходя мимо людей. Все куда-то шли, все существовали, а он будто бы нет. Белкин проходил мимо них, как какой-то призрак. Он прекрасно знал, что прохожие не запомнят, ни его лицо, ни его фигуру, ни его самого – он пройдет мимо, не оставив даже малейших следов. Что-то в этой мысли бодрило Дмитрия и вселяло в него могучую уверенность.

Белкин завернул в нужный дворик, прошел мимо чинных старушек, ворчавших, как всегда, на молодежь, укрылся в темном подъезде и перевел дух. В начале мая Москву сжали вдруг в тиски холодные ветра, а по ночам даже подмораживало, но в последние дни лето напомнило о своем победном марше и укутало столицу теплом близким к духоте. Теперь Дмитрий наслаждался прохладой безлюдного подъезда.

Спустя минуту он поднялся на второй этаж и позвонил в нужную дверь. Откуда-то вновь взялось задавленное вроде бы чувство удушья и собственной лишности. И вообще, а кто сказал, что Георгий будет ему сегодня рад? Они не договаривались о встрече. Да, Георгий говорил, что по выходным обычно дома и всегда рад гостям, но ведь то была лишь вежливость, а сейчас его могло и вовсе не быть.

Когда дверь отворилась, Белкин готов был уже развернуться и уйти. Дмитрий понял, что дверь ему открыл единственный человек, которого он мог считать другом, но не смог заставить себя посмотреть в лицо Георгия, блуждая взглядом.

– Посмотри мне в глаза, Митя.

Это прозвучало вместо приветствия. Голос Георгия был спокойным и уверенным, как и всегда. Но сейчас он был еще и требовательным, и Дмитрий легко подчинился, как будто лишь требовательного тона и ждал.

– Тяжелый день?

На лице Георгия застыла легкая улыбка, а в голосе было искреннее сочувствие. Белкин кивнул. Он смог держать контакт глаз, теперь нужно было сделать еще одну вещь, чтобы прийти в норму. Дмитрий три раза мысленно проговорил правильное построение фразы, которую планировал произнести, но с его губ сорвалось непроизвольно совсем не то, что нужно:

– Доброе утро, Георгий Генрихович. Я не помешал вам?

Дмитрий понял, что не справился, и тут же опять опустил глаза. Георгий положил руку на плечо другу:

– Глаза.

Белкин вновь восстановил контакт глаз. Георгий продолжил:

– Обратись на «ты» и по имени, Митя.

Улыбка не сходила с его лица, и Белкину, пусть и не без труда, удалось выдать из себя правильную фразу:

– Доброе утро, Георгий. Я не помешал тебе?

Теперь Георгий улыбнулся уже широко, хлопнул друга по плечу и отступил от порога, пропуская гостя.

– И тебе добрый день! Нет, не помешал. Наоборот, у меня кое-что для тебя есть!

Дмитрий совсем пришел в себя и собрался – теперь он чувствовал себя вполне нормальным, а чувства удушья, как не бывало.

– Новая головоломка?

– Угадал. Проходи, я пока чай сделаю.

Белкин прошел из тесной прихожей в просторную гостиную и устроился в кресле, в котором устраивался всегда, навещая Георгия Лангемарка. На стареньком столике, расположенном между двумя креслами, одно из которых занял Дмитрий, лежал расчерченный в клетку лист бумаги. Белкин бросил на него взгляд, да так и не смог отвести.

На листе был очерчен квадрат тридцать пять клеток на тридцать пять. Сверху от каждого столбца и слева от каждой строки был написан числовой ряд. Дмитрий сам не заметил, как взял новую головоломку в руки. Он еще не видел таких. Белкин с трудом оторвался от квадрата и пошарил взглядом по комнате в поисках карандаша, но, ни на столике, ни вообще в пределах видимости ничего писчего не было. Дмитрий даже не расстроился этому, просто отметил и вернулся к клетчатому квадрату.

Спустя несколько минут Белкину показалось, что он нашел ключ – напротив самой нижней строчки стояло только одно число – тридцать четыре. Сам ряд занимал тридцать пять клеток, и если догадка Дмитрия была верна, то тридцать четыре из этих тридцати пяти клеток нужно было заполнить или просто закрасить, а одну оставить пустой.

Когда Белкин отвлекся от головоломки в следующий раз, он обнаружил, что на столике появилась чашка с остывшим чаем и несколько печений на блюдечке. Георгий сидел за своим рабочим столом спиной к гостю. Он склонился к столу так низко, что Дмитрий почти не видел его голову – только плечи. Белкин выпил едва теплый чай одним духом и покрутил затекшей шеей. Ему не хотелось отвлекать Георгия от работы, но любопытство насчет правильности придуманного им решения пересилило:

– Там ведь должен получиться иероглиф?

Лангемарк отвлекся от работы и развернулся на стуле. На его лице застыла легкая улыбка:

– Да, все верно. Ты хоть бы карандаш взял, а то мне на тебя смотреть было жалко – столько мелочей в уме держать!

Белкин смутился от этих слов – он еще раз посмотрел на клетчатый квадрат, внутри которого не было ни одной пометки. Дмитрий видел вписанный в квадрат иероглиф потому, что помнил, сколько заполненных и пустых клеток было в каждом ряду и столбце, помнил он и их взаимное расположение. Он посмотрел на Георгия с долей вины – Белкин знал, что его друг так не может. Он еще не встречал ни одного человека, который мог бы держать в памяти столько, сколько удавалось держать ему самому.

Дмитрий познакомился с Георгием три года назад. Он тогда только недавно был переведен в Москву. В те дни Белкин решал головоломки каждую минуту, которая не была занята работой или сном, благо в Москве было намного проще достать журналы с «лабиринтами» и «переплетенными словами», которые, правда, Дмитрию не очень нравились.

Лангемарк просто оказался на той же лавке на Патриарших, что и молодой милиционер. Заметив, чем с совершенной увлеченностью занимается Белкин, Георгий не удержался и завязал разговор. Сам он тоже обожал разнообразные задачки и головоломки, отдавая предпочтение тем, что были завязаны на математике. Более того, Лангемарк сам на досуге развлекался созданием магических квадратов и «лабиринтов» – в лице Дмитрия Георгий нашел того, кто с удовольствием решал его загадки.

Собственно, создание головоломок было для Лангемарка лишь развлечением, а по профессии он был переводчиком с японского языка. Насколько Дмитрий знал, Георгий владел так же немецким и французским, но переводчиков с этих языков хватало, а вот японистов ценили. Впрочем, Белкин не очень вдавался в эту часть жизни своего друга. Именно друга, ведь за эти три года Лангемарк стал для Дмитрия самым близким человеком – единственным (за исключением, возможно, Стрельникова) человеком в Москве, общество которого его вовсе не тяготило.

Дмитрий оторвал взгляд от решенной головоломки и спросил:

– А что это за иероглиф?

– Обычно он обозначает небо. Но может значить и пустоту.

Дмитрий снова посмотрел на одному ему видный иероглиф – это было красиво.

– А у тебя есть еще эти квадраты?

– Извини, я не могу в твоем темпе работать, кроме того, я не был уверен, что тебе понравится.

– Понравилось!

– Хорошо, значит, постараюсь сделать еще. Ты не против, если я продолжу изображать иероглифы – я какое-то очень умиротворяющее ощущение испытал, пряча небо в клетку.

Дмитрий улыбнулся этой шутке:

– Да, конечно! Любые изображения, любые размеры!

– Хорошо. Приходи через неделю, будут еще иероглифы.

С этими словами Георгий встал из-за стола и подошел к Белкину. В руках он держал несколько свернутых листов.

– На этой неделе много работы было, поэтому тут всего несколько. В основном магические квадраты, есть математические от одной моей хорошей подруги.

Дмитрий взял листы и с трудом удержал себя от того, чтобы сразу же приняться за них. Он поднял взгляд на Лангемарка:

– Спасибо большое в любом случае! А над чем ты сейчас работаешь?

Георгий попросил подождать и отправился на кухню за новым чаем. Через несколько минут он устроился в свое кресло и проговорил с легкой грустью:

– Занимаюсь очередным пересказом истории о сорока семи.

– Расскажешь?

– Нет, лучше дам почитать, когда закончу.

6

Дмитрий выбрался из кузова грузовичка и оглянулся – вокруг была легендарная Хитровская площадь. За вполне пристойными, пусть и истертыми фасадами окружающих домов скрывалось городское дно. Скрывалось уже несколько десятилетий, вываливаясь иногда наружу разбоем и убийствами. В ветхих ночлежках, преобразованных ныне в жилтоварищества, бытовал такой дух человеческого падения, что даже на улице забивало нос.

Стрельников спрыгнул на утрамбованную сотнями ног землю вслед за Дмитрием, без лишних церемоний достал свой револьвер, проверил, заряжено ли оружие и вложил его в карман своих светлых брюк. Ему доводилось бывать на Хитровке и при Старом режиме, когда полицейские сюда без веских причин старались не соваться, и после революции, когда хитровская голь, не чуя больше над собой надзора, распоясалась и разрослась даже за свои исторически обособленные пределы. В «зачистке» старого Хитровского рынка, которая обернулась перестрелками и облавами, Виктор Павлович, по его словам, участия не принимал – другой работы хватало.

Рынка теперь на площади не было, а на его месте появился хмурый и немного диковатый (как и все на Хитровке) сквер. Поговаривали, что скоро здесь построят школу, но точно ничего известно не было.

Спину навязчиво припекало закатное солнце, а к двум следователям направлялся неведь откуда возникший милиционер. Он двигался спокойным и размеренным шагом, уверенный в своем величии. Слепым глазницам окрестных домов милиционер показывал силу и непреклонность.

– Вы из МУРа?!

Между ними было еще метров пятнадцать расстояния, но милиционер решил не подходить ближе. Пришлось подойти следователям.

– Оперуполномоченный Стрельников.

– Оперуполномоченный Белкин.

– Я Варламов. Старший милиционер. Вы по поводу убийства?

Виктор Павлович не смог удержаться:

– А что, у вас еще что-то успело произойти?

Варламов усмехнулся, а после этого, не говоря ни слова, развернулся и сделал следователям знак следовать за ним. Вскоре они оказались в грязном дворике откуда солнце уже ушло. Дома зловеще нависали, грозя исторгнуть на незваных гостей свое содержимое. Стрельников нервничал – сошла с лица дружелюбная улыбка, а правая рука была заложена в оттопыренный карман брюк. Дмитрий оглянулся вокруг – он не видел явных причин для беспокойства. Это просто было городское дно.

Сильно пахло перегаром, хотя непосредственно на улице ни одного пьяницы видно не было. Еще пахло рвотой и мочой. Жаркая погода не помогала. Откуда-то слева слышалась резкая брань и женский плач, впереди вдруг со стуком отворилось окно и чьи-то грубые руки выплеснули на улицу грязную воду. Владелец этих рук даже не удосужился посмотреть, не стоит ли кто-нибудь под его окном.

Варламов был совершенно невозмутим – очевидно, он бывал в этом дворе не в первый раз. Милиционер с ноги открыл дверь подъезда. Дмитрий подошел ближе и увидел, что ручка была чем-то вымазана – не то ваксой, не то краской. Пришлось следовать примеру Варламова.

Темное нутро подъезда пахло грязными носками и пропавшей пищей.

– Аккуратнее, товарищи, лужа на полу на первом пролете!

Варламов ориентировался здесь, как у себя дома, и уже поднялся на второй этаж, оставив оперуполномоченных внизу. Дмитрий смог перескочить через довольно большую лужу, а вот Виктор Павлович такой резвостью уже не мог похвастать и замочил свои легкие туфли. Наконец следователи поравнялись с Варламовым. Кроме него здесь стоял еще один милиционер.

Он казался заспанным и разморенным. Милиционер выцепил взглядом Варламова, лениво прошелся по его спутникам и соизволил отлепиться от исписанной похабностями стены.

– Все тихо?

– Как на кладбище, Семен Архипыч.

– Совался кто?

– Пьянчуга один, да как меня увидал, жиманул во весь опор!

– Не догнал?

– Так это... вы же сказали, чтоб я от двери не отходил, Семен Архипыч.

– Ну да, точно – сказал... Ладно, иди, перекури.

Милиционер протиснулся мимо следователей и заспешил вниз. Варламов потянул на себя скрипучую дверь нужной квартиры. Изнутри пахло нездоровой сыростью. Дмитрий заглянул в прихожую и увидел, что квартира состояла из всего одной небольшой комнатки, доведенной до полного безобразия. Единственным источником света была запыленная и грязная электрическая лампочка, свисавшая с потолка. Но даже такого количества света хватало, чтобы увидеть нищету и разгром в квартире, а также лежавшего на узкой кровати мертвеца.

Белкин шагнул за Варламовым и оказался в мире отвратительных запахов грязи, водки и начинающегося гниения. А еще духоты. Удушливой, мгновенно утомляющей влажной жары, из-за которой гимнастерка Дмитрия сразу же промокла на спине. Стрельников, ступая аккуратным шагом профессионала,

прошел к единственному окну и открыл его настежь. Стало чуть легче. Варламов, впустив следователей, теперь отошел к дверям. Он заговорил:

– Петр Иванович Родионов. Дворник. Также столяр. Также бродячих собак ловит... ловил. В общем, когда трезвый, на все руки мастер.

– Выпивал?

– Не то слово! Я такую ему приятную картинку нарисовал – «на все руки мастер, когда трезвый» – да только трезвым он почти что и не бывал.

– Дебоширил?

Бывало. Не самый гад из нашего района, но знакомец близкий.

Виктор Павлович продолжал общаться с Варламовым, а Дмитрий в это время подошел поближе к труп. Родионов лежал на спине с закрытыми глазами, но не было ни одного шанса на то, что он умер спокойной смертью во сне – кто-то выстрелил ему в голову. Причем, это была только одна из ран дворника. В него стреляли не один раз – в груди была еще одна рана. Кроме того, Родионову чем-то разбили голову. Вся кровать застеленная нечистым бельем пропиталась кровью. Красные капли пропитали ткань насквозь и натекали на пол, образовав лужицу под кроватью. Дмитрий нагнулся, силясь разглядеть что-нибудь под кроватью, но без света это было бесперспективно – добычей следователя стала лишь пустая водочная бутылка, задвинутая под кровать в незапамятные времена.

Белкин выпрямился и прикрыл глаза – убийца выстрелил Родионову в грудь, затем ударил его по голове несколько раз, например, допрашивая, а затем добил выстрелом в голову. Это было складно. Дмитрий вновь посмотрел на залитое кровью неделю небритое лицо, на руки, почерневшие от злоупотреблений жизнью, на квартиру, лишенную не то что изысков, но даже просто намека на устроенность. «А зачем кому-то нужно было допрашивать этого человека?» – этот вопрос возник в разуме Белкина сам собой. Он снова прикрыл глаза – Родионов подрался с кем-то и получил несколько раз по голове, после этого его противник, не удовлетворившись результатом, убил его. Тоже складно. Дмитрий опять оглядел руки убитого – синяки и ссадины на костяшках нашлись, но по виду старые – недельные. Белкин почувствовал, что его мысли

требуют проверки. Он повернулся к Виктору Павловичу, но Стрельников все еще был занят с Варламовым.

– А кто сообщил?

– Сосед. Рубанов. Тоже из моих знакомцев. С вечера собрался выбраться из своей берлоги, да увидел, что дверь Родионова открыта. Ну, он и зашел, благо, они знакомцы по водке были знатные.

– И чего, он в милицию сам пришел?

Недоверие Виктора Павловича можно было понять – лишний раз звать милиционера в этом районе никто не спешил.

– Так вы понимаете, товарищ Стрельников, Родионов ведь не от печени загнулся и не в драке пьяной топором по темечку получил. У нас тут стреляют-то нечасто в последнее время, потому Рубанов и сообщил. Да и они все же приятели были, как ни крути.

– Семен Архипыч! Миленький! Помоги, а! Он, гад, меня опять убить грозитя!

С лестницы донеслись плаксивые женские крики. Варламов выглянул на площадку, и в него тут же врезалась растрепанная женщина. Милиционер не растерялся даже на мгновение:

– А ну, куда прешь, черт тебя побери?! Нельзя сюда! Чего голосишь на всю Хитровку?

Варламов развернул женщину от себя и вытолкнул на площадку, а потом закрыл за собой дверь. Спустя минуту глухих женских стонов и резких ответов Варламова дверь вновь открылась, и старший милиционер просунул голову в проем:

– Товарищ Стрельников, дайте мне минут десять – тут нужно воспитательную беседу о вреде пьянства провести!

После этого Варламов вновь закрыл дверь, даже не дождавшись ответа Виктора Павловича. Стрельников повернулся и неприязненно оглядел тесную комнатку. Белкин подумал вдруг, что не так часто бывают моменты, когда его старшему коллеге более неуютно, чем ему самому.

– Митя, обрадуйте хоть чем-нибудь.

– Два пулевых и разбитая голова.

– Я же просил обрадовать. Вы хоть представляете себе примерную длину списка подозреваемых?

– Половина района, Виктор Павлович – вечер будет долгий.

– Вот-вот. Ладно, работа сама себя не сделает. Посмотрите, не пропало ли что, а я пока на нашего покойничка полюбуюсь.

Белкин огляделся в нерешительности. В таком беспорядке очень трудно было понять, пропало ли что-нибудь. Да и нечему здесь было пропадать. Полупустой шкаф с тряпьем, сваленным в кучу. Что из этого Родионов еще планировал носить, а что просто забыл выкинуть, так и останется теперь загадкой. Дмитрий подумал немного и залез в карманы старой шубы, которая, судя по виду, уже несколько лет не видела никакой чистки, зато повидала много луж и грязи. В карманах оказались трофеи разной ценности: два сухаря, пробка от винной бутылки и аккуратно свернутая банкнота в три червонца. То, как была свернута купюра, натолкнуло Дмитрия на мысль, что она была не с зимы, а на зиму, впрочем, его это не очень интересовало.

Рядом со шкафом бельевым стоял узенький книжный со стеклянными вставками. Не самая дешевая вещь. Дмитрий открыл шкаф и едва успел поймать вывалившиеся с забитой верхней полки валенки. Книг в книжном шкафу оказалось немного. Понять во всем этом кое-как запихнутом хламе, рылся в нем недавно кто-нибудь или нет, было невозможно. Дмитрий с трудом успокоил валенки на прежнем месте и закрыл шкаф.

После этого он обратил внимание на несколько фотокарточек заткнутых между стеклом и деревом. Фотографий было довольно много, видимо Родионову нравилось их собирать. Дмитрий смог узнать хозяина квартиры только на одной

старой фотокарточке, причем, Белкин не стал бы ручаться за то, что не ошибся. Это была потрепанная фотография, изображавшая нескольких молодых людей на фоне Малого Николаевского дворца побитого снарядами. Дворец разобрали пару лет назад, но Дмитрий все равно без труда его узнал – успел застать. Судя по избитому облику здания, фотокарточку сделали либо во время, либо вскоре после октября 17-го. Все запечатленные широко улыбались, у всех на рукавах или груди были повязаны банты, которые на черно-белой фотографии казались серыми. Человек, в котором Белкин опознал Родионова, держал в руках винтовку и смотрел на фотографа с ухмылкой и вызовом.

Остальные фотокарточки несли на себе московские и ленинградские пейзажи, портреты Веры Холодной и Айседоры Дункан, лица нескольких случайных людей – казалось, что Родионов собирал все, что мог собрать, впрочем, возможно, так оно и было.

– Митя...

Белкин обернулся на растерянный голос Виктора Павловича. Стрельников стоял прямо под ламой, вытянув к ней руку и пытаясь рассмотреть какой-то предмет. Дмитрий присмотрелся к тому, что держал старый следователь, и брови его поползли вверх. Виктор Павлович опустил руку и теперь рассматривал предмет в упор. Этим предметом была гильза. Точная копия той гильзы, которую Белкин нашел в квартире Осипенко. Точная копия той гильзы, которую Стрельникову показал товарищ Владимиров, когда Виктор Павлович сдавал человеку из Политического свой отчет.

Стрельников отвлекся от гильзы и посмотрел на изумленного Дмитрия, а после этого произнес:

– И как это понимать?

«Говорится, что воин должен избегать злоупотребления выпивкой, гордостью и роскошной жизнью. Лишь жизнь лишенного надежды лишена и всяческих

тревог, но стоит только вновь начать лелеять надежды, как три порока обретают опасное могущество. Смотри на жизни людей. Если дела их благополучны, они уступают своей гордыне и совершают необдуманные самодурные поступки. Потому и нет ничего плохого, если к молодому человеку судьба немилосердна. Частая схватка с испытаниями жизни закаляет характер такого человека. Но если под тяжестью жизненных ситуаций человек впадает в уныние, то от него не будет никакого проку...»

Я отвлекся от записей и оглянулся. Дешевая пивная неподалеку от Хитровской площади переживала даже по своим весьма скромным меркам не самые лучшие времена. Строго говоря, пивной здесь больше не было – пару лет назад во время очередной схватки за трезвость это место переделали в чайную. Собственно, в чайниках и самоварах теперь и подавали горячительное. Это было даже выгодно для заведения – чайники были крепче бутылок и не так страдали от дебошей и драк.

Контингент доходил до правильной кондиции после смены. Я нашел взглядом свою цель. Этот был здесь давно – у него сегодня смены не было. Как я успел понять, у него вообще со сменами было не очень. Он попытался подняться на ноги, но не смог. Меня поразил приступ жалости к этому человеку. Я стану избавлением для него, а не наказанием. Ворона хотя бы был сильным, ворона уважал себя, и ворона своей беспутной молодостью смог обеспечить себе достойное бытие. А этот? Он превратил свое сиюминутное могущество в реку алкоголя? Оставить бы его здесь, чтобы он утонул!

Я одернул себя – месть, это не унижение и даже не способ наказания. Мечь, это необходимость. Восстановление мировой гармонии. Это, кстати, справедливо и для тебя тоже, каким бы ни было твоё отношение к нашему делу.

Я должен исполнять месть без злорадства и низкого удовольствия – я не должен ни проявлять, ни даже подразумевать какого бы то ни было неуважения к тому, кому предстоит умереть от моих рук. Обнажать меч против того, кого не уважаешь, есть неуважение к себе.

Он вновь попытался подняться на ноги. На этот раз это получилось. Я ведь не рассказывал тебе, как наткнулся на него? Мне просто странно повезло. Четыре дня назад единственный раз в год я оказался на Хитровке и смог распознать в перегарном пьянчуге того, кто должен умереть. Воистину причудлив зверь с миллиардом ртов, этот исполин столицы, огромный и крошечный одновременно!

В тот раз этот пьянчуга пристал ко мне, клянча рубль, разумеется, «на трамвай». У бедняги так горел болезнью взгляд и так ходили руки – мне показалось, что он может сложиться от горячки прямо передо мной. Я дал ему рубль. Он, не поблагодарив, помчался в «чайную», а я стоял еще минуты три – я его узнал. Вспомнил его жесткую ухмылку и слова, которые он произносил.

С тех пор я появлялся на Хитровке каждый вечер, и каждый вечер находил его в «чайной», где он оправлялся от прошлого вечера и начинал погружаться в вечер нынешний. Я проследил за ним до его убежища. Он жил один – для меня это было очень хорошо. Гром, убивший ворону, оказался слишком громким. Поэтому теперь я решил воспользоваться возможностью уменьшить этот шум, хотя, конечно, большого доверия к переусложнению не испытывал.

Пьяница за эти дни так и не заметил меня, а если и заметил, то не вспомнил. Это не было удивительно – его разбитый годами злоупотребления разум больше напоминал кусок хозяйственного мыла, а не работающий механизм. Забавно, до какой же инстинктивности может опуститься несчастный человек! Этот пьяница жил, как зверь – почти не думая, не рассуждая, используя одни и те же решения и торные дорожки опыта. У него даже повадки стали звериные – он хохлился иногда над своим стаканом, как воробей по поздней осени.

Я вышел из «чайной» следом за ним, выдержав небольшую паузу. Все должно было случиться сегодня – по-иному быть не могло. Нужна была лишь толика везения – траектория движения воробья могла пересечься с траекторией одного из его многочисленных приятелей. Тогда вечер мог получить нежелательное для меня продолжение. Вчера, собственно, так и произошло – я уже все спланировал, но один из собутыльников воробья увлек его за собой.

По счастью, мы добрались до дома пьяницы, так никого и не встретив. Я держался теней, но он ни разу не оглянулся, а двор был поразительно пуст для майского вечера. До меня долетели слова воробья: «Смело мы в бой пойдем...» – смешанные с грязной бранью. Он наконец добрался до своего подъезда и скрылся в его темном чреве. Я скользнул к тяжелой двери. В подъезде воробей перешел с бормотания вполголоса на крик, раздававшийся по неосвещенным лестницам.

Я не спешил входить в подъезд, ожидая пока моя цель окажется у себя в берлоге. Хлопнула дверь, пьяная песня стихла – можно было начинать. Я в

считанные мгновения взлетел на второй этаж, остановился и прислушался. Воробей говорил что-то. Даже через дверь это было хорошо слышно. Меня охватило чувство досады – неужели он все же ухитрился найти себе компанию на этот вечер? Неужели все опять придется отложить?

В глухом бубнеже пьяницы было что-то очень странное. Что-то, что я не мог себе сходу объяснить. Несмотря на очевидный провал сегодняшнего дела, я не мог сдвинуться с места – эта странность не отпускала меня. Через несколько минут я понял, в чем дело – я слышал лишь один причитающий, ругающийся и плачущий голос. Воробей разговаривал сам с собой, причем, очень содержательно, как будто действительно находил своим словам слушателя.

Я достал свое оружие и проверил его. Новое устройство удлиняло пистолет и портило его простой и изящный облик, но меч и хват меча, и положение ног, и знание стоек совершенно не важны – важно лишь поразить врага.

Я обратил свой взгляд на дверь. Еще позавчера я осмотрел дверь и понял, что легко смогу справиться с ней, однако это даже не потребовалось – дверь была приоткрыта. Потяни воробей ее за собой чуть сильнее, и дверь бы захлопнулась, но он по недосмотру не довел ее буквально миллиметра на три-четыре. Я взялся за ручку и резко дернул на себя, одновременно отступая чуть назад и беря воробья на прицел.

Только теперь он поднял взгляд на открывшуюся дверь и увидел меня. А может быть, не увидел, потому что спросил:

– Эй, кто это шуткануть решил?! Ко мне лучше не лезь, а то я...

– Замолчи.

Он осекся и пригляделся к моей фигуре внимательнее, а после этого неожиданно ухмыльнулся:

– Это чой-то у тебя там? Ствол что-ли? Совсем от водки мозги скукожились – ко мне грабительствовать лезть?! У меня окромя старой шубы и нету ничего!

Я вошел в комнату и оказался в круге тусклого света грязной лампы.

– Эээ... да ты дядька серьезный! Точно номерочком не ошибся? Ты, видать, Госбанк брать собрался, только это не здесь.

– Замолчи.

– Ух ты, смелый какой! Я у себя дома, между прочим – хочу, говорю, хочу, молчу.

Я не справился с собой. Не знаю, что именно меня так задело – его полное презрение к смерти или ухмылка, которая долго приходила ко мне в кошмарах. Не было никакой красной пелены и взрыва в груди – я просто подошел к нему и несколько раз ударил рукояткой пистолета по голове, совсем забыв, как пользоваться оружием правильно.

Воробей застонал и откинулся на своей грязной кровати, а я отошел от него. Отчего-то тряслись руки, а сердце колотилось как бешеное, но более странным было то, что эта телесная смута душу отчего-то совсем не задевала. Я все четко видел, я все четко слышал, но не был уверен, что полностью себя контролирую.

Я с запозданием спохватился и повернулся к двери, чтобы ее закрыть. Взгляд упал на фотокарточки, зажатые в дверце шкафа. Маяковский смотрел на меня, как на весь мир – осуждающе, а Шаляпин с добродушной улыбкой. А под ними... Я забыл и о двери, и о своей несдержанности, и даже об окровавленном воробье. Схватил фотографию, на которой узнал до боли знакомые лица.

Шестеро позировали с наганами. Красивые и величавые, как стая бродячих собак и такие же самоуверенные. Лица обветренны беззаконием. Я видел прежде троих. Один из них теперь лежал с разбитой головой за моей спиной. Я подскочил к воробью. Он был в сознании и шевелился, но его движения были рассеянными и безвольными, как движения новорожденного младенца. Неожиданно воробей рассмеялся и произнес пугающе спокойным голосом:

– Нет, ты не из Госбанка – ты собак душишь. Знаю вашу породу. Моя б воля, вас самих бы отлавливали и душили.

– Эти двое. Знаешь, где их искать?

Я ткнул ему фотографию в лицо и показал на тех, кто меня интересовал. Воробей даже не посмотрел на фотографию, продолжая смеяться. Я вновь ударил его рукоятью пистолета и сломал нос. Теперь он не смеялся.

– Кто они и где?!

– Да ты же из старых! Из недобитков буржуйских! То-то ведешь себя, как сволочь – нет бы нормально в гости зайти, беленькой взять, стол накрыть.

Из-за разбитого носа его слова звучали гнусаво, но даже так в них явственно слышалась издевка. Я ударил его по уху, а затем еще раз по носу. Руки больше не дрожали, а сердце не летело вскачь – сейчас было не до гнева. Мне нужен был ответ от воробья, и я собирался получить его, несмотря ни на что. Теперь он стонал.

– Кто они и где?!

– Катись к черту!

Я решил сменить подход. Поднялся и отошел от воробья, а после этого произнес:

– Ты дашь мне ответ. Так или иначе. Либо я выбью его из тебя и затем убью, либо ты дашь мне его сам, и я убью тебя сразу.

Он не смотрел на меня, продолжая лежать на кровати. Примерно через минуту он спросил:

– А так, чтобы не умирать, можно?

– Нет, прости. Твое время в любом случае вышло.

– И что, легкая смерть, если я сдам тех двоих?

– Да, обещаю.

Он долго молчал. Я уже начал думать, что он предпочтет трудный путь. Неожиданно воробей произнес:

– Светловолосый с папиросой – его фамилия Цветков.

– Хорошо. Где он?

– Не знаю. На Ваганьковском, может, на Сетуньском.

Я легко справился с этой новостью. Досадно, что кого-то в любом случае уже не выйдет уничтожить, но этого стоило ожидать – все же много времени прошло и времени все больше лихого.

– А второй?

– Может, все же не будешь убивать меня?

– Прости. Я должен это сделать.

Воробей протяжно простонал, то ли, осознавая, наконец, скорую смерть, то ли просто от боли.

– Расскажи мне про второго и все закончится.

– Покажи фотографию еще раз.

Я сделал, как он просил. Он долго всматривался в фотографию, потом провел по ней рукой и прошептал:

– А ведь казалось, что все будет по-другому... а его ты тоже убьешь?

– Да, и его тоже.

– Ну и слава Богу, ну и хорошо...

Воробей начал терять сознание. Я потряс его за плечи.

– Что знаешь о втором?! Где его искать, черт тебя возьми?!

Он с трудом открыл глаза и посмотрел на меня с удивлением человека, которого только что выдернули из прекрасного сновидения в неприглядную настоящесть.

– Это Андрей. Андрей Овчинников.

– Я знаю. Кто он и где?

– На «Эйнеме» – конфеты делает.

– Это точно?

– Как будто у тебя есть выбор.

Я встал и навел на воробья ствол пистолета. Прежде, чем я выстрелил ему в голову, он улыбнулся. Возможно, мне показалось, но в этой улыбке было облегчение. Я глубоко вздохнул – его убивать было тяжелее, чем ворону. Ворона сам наварался на пулю, а воробей смог меня задеть.

Неожиданно мертвец пошевелил рукой. Медленно провел по моей ноге. Я вздрогнул и отпрянул в сторону. Мне не показалось – воробей медленно двигал рукой. Я вновь подошел к нему и не удержал проклятия – он еще был жив. Моя пуля не убила его. Воробей смотрел на меня невидящим взглядом, в котором не было и следа разума, но он все еще был жив. Я исправил это, выстрелив ему в сердце. Только теперь я обратил внимание, что вместо грома слышал лишь хлесткий хлопок. Этот звук все равно заполнял собой всю комнатушку, но теперь он не был оглушающим.

Я вновь посмотрел на воробья – он больше не двигался. Я прикрыл ему глаза и произнес:

– Прости, что так получилось. Я не хотел проявлять такое неуважение.

13-е марта 1928-го года.

Ирина тревожно оглянулась вокруг и зябко поежилась. Ей было очень неуютно, и дело здесь было не только в мартовских сквозняках, бродивших по просторному залу. Само это место вселяло в нее тревогу. Ирина сидела за столиком в ресторане старого отеля «Метрополь». Точнее, нового отеля «Метрополь» – от старого отеля здесь осталось только здание. Ни стульев, ни столов, ни штор, ни, даже, пепельниц с чернильницами от старого «Метрополя» не осталось. Не осталось и людей.

Старый отель отчаянно сопротивлялся красным. В дни боев в Москве он ошетинился ружьями юнкеров, да так, что сам товарищ Фрунзе приказал бить по фасаду из пушек, специально выведенных к Большому театру. Потом здесь был бардак с митингами и съездами, а потом общежитие для парработников среднего звена и их семей, которые за считанные годы довели одно из роскошнейших заведений Старой Москвы до вшей, клопов и муравьев. А потом, будто бы устав ломать несчастное здание, в него вернули гостиницу. Сожгли захваченное паразитами белье, свезли мебель и приборы, экспроприированные с барских усадеб, и сделали вид, что прошлого десятилетия и не было на самом деле никогда.

Ирина тоже хотела бы сделать вид, хотела бы поверить собственному вранью о том, что прошлого в действительности не случилось, но у нее это никак не получалось. Она взяла ложечку, чтобы помешать чай, но увидела на приборе следы чьих-то пальцев и отложила его. Нет, этот «Метрополь» в подметки не годился тому – дрянная еда, нахально грубое обхождение и полное отсутствие чувства пышности. За те два раза, что она была здесь до революции, Ирина успела понять, что пышность и характерно московская помпезность были для этого места фундаментально важны, были его душой. Теперь души не было – теперь бархат был просто бархатом, а позолота просто позолотой.

Ирина отвлеклась от своих невеселых мыслей и увидела у входа в ресторан знакомую фигуру Цветкова. Фаддей тоже увидел ее, приветственно кивнул и стал пробираться в ее сторону. Он даже не подумал снять верхнюю одежду – так и пошел через весь полупустой зал в бушлате и кепке. Лишь поравнявшись со

столиком, за которым сидела Ирина, он разделся и повесил бушлат на спинку стула, а кепку бросил на стол. Судя по всему, Фаддей был не в настроении. Ирине почему-то захотелось улыбнуться от этого. Впрочем, поздоровался он вполне учтиво:

– Добрый вечер.

– И вам добрый вечер, товарищ Цветков.

– Оставь – давай на «ты».

– Но вы ведь сами просили...

– А теперь прошу на «ты»!

Ирина смутилась и опустила взгляд. Цветков это заметил, протянул руку и дотронулся до ее волос:

– Прости. Выдался тяжелый день.

– Работа?

– И работа тоже.

Фаддей ответил как-то очень уклончиво, и Ирина поняла, что настаивать не стоит. Работал товарищ Цветков на Белорусско-Балтийском вокзале по имущественной части. Подробнее Ирина не знала, а сам Фаддей не спешил рассказывать.

Цветков заказал ужин, попросив перед подачей принести ему рюмку водки. Выпивка, еда и тепло вскоре растопили его настроение, и он стал посматривать на Ирину с желанием. Они оба не строили иллюзий по поводу собственных отношений – им просто нравилось друг с другом спать. По крайней мере, пока что нравилось – за полтора месяца они не успели друг другу надоесть.

– Ты сняла номер?

– Да, еще утром. Ты останешься на всю ночь?

– Да.

– А твоя жена не будет беспокоиться?

Цветков неожиданно усмехнулся и отпил из бокала – теперь они пили вино.

– У нас с ней что-то вроде негласного договора – я не спрашиваю, почему от нее пахнет мужскими сигаретами, а она не спрашивает, почему от меня пахнет женскими духами.

– А дети есть?

Ирина спохватилась, когда слова уже сорвались с ее губ. Не стоило задавать этот вопрос. Фаддей прежде столь неохотно говорил о семье, что теперь Ирина не знала, какой реакции ожидать, но Цветков вновь усмехнулся, хотя и не без доли грусти:

– Есть. Четыре года парню. Темноволосый...

– Пошел в твою жену?

– Нет, в того, от кого она его прижила.

Несмотря на то, что смысл его слов был тяжел, как камень, опускающийся на дно реки, произносил их Цветков легко и непринужденно. Ирине неожиданно пришла в голову мысль, что самоироничная грусть делает его красивым. Фаддей посмотрел красное вино на просвет, а затем залил его в себя, опустошив бокал. После этого он утер рот рукавом и произнес, взяв Ирину за руку:

– Поднимайся и готовься. Надеюсь, ты взяла то, что я просил?

Ирина кокетливо улыбнулась:

– Взяла. И небольшой сюрприз для тебя приготовила.

– Что за сюрприз?

– Увидишь.

Ирина загадочно подмигнула и встала из-за стола. Цветков остался сидеть.

– Слушай, возьми вина – хочу выпить.

– Хорошо, возьму бутылку. Жди меня.

Ирина взяла недорогой номер на втором этаже подальше от элитных номеров уважаемых товарищей и интуристов. При прошлой встрече Фаддей дал ей денег под предлогом оплаты гостиницы для их встреч. Дал много – Ирина одновременно столько в руках не держала уже много лет. И вновь они оба понимали, чем это является и как в действительности зовется. Впрочем, Ирине эти деньги вскоре понадобились, и она была рада, что их удалось добыть, пусть и таким неожиданным способом.

Она скинула пальто на пол, избавилась от безбожно жавших сапожек и сразу же обулась в дорогие черные туфли – это был подарок Цветкова. Ирина подошла к зеркалу, с отвращением посмотрела на жирное пятно, оставленное то ли прошлым обитателем номера, то ли нерадивым уборщиком, но заставила себя сконцентрироваться. Она внимательно осмотрела свое лицо. «Меланхоличное, как у итальянской актрисы» – так однажды, давным-давно описал ее лицо один хороший человек. Сегодня лицу Ирины явно не хватало свежести, но она рассчитывала, что красиво покраснеет, выпив вина. Она сняла юбку и бросила ее на стул, рядом с зеркалом – Цветков просил ее снимать юбку еще до его прихода. После этого Ирина надела светлый парик, который Фаддей дал ей еще при третьем их свидании. Качественный, пышный, из натурального волоса – он надежно скрывал шапку угольно черных волос Ирины. Она вновь посмотрела на себя в зеркало – захотелось заплакать. Одна слеза даже побежала по ее щеке, но Ирина быстро стерла ее и больно закусил губу, чтобы прийти в себя. Если нужно быть блондинкой, она побудет блондинкой – не развалится. Теперь она заставила себя улыбнуться своему отражению – хотела соблазнительно, но получилось озлобленно. Ирина тряхнула головой, потом, спохватившись, скинула блузу, чтобы избавиться от лифа, а затем накинула блузу на голое тело.

Нужно было сделать еще одну вещь – в той же сумке, где лежали прежде туфли, бывшие теперь на ее ногах, и парик, бывший теперь на ее голове, Ирина принесла и новые наручники. Достать эту вещицу было тяжело и довольно дорого – тут игодились деньги Цветкова. Без наручников этот вечер для Ирины не мог удаться.

Спинка кровати представляла собой крепкие вертикальные прутья, заканчивающиеся основательной железной рамой. Это был лучший вариант из всех – Ирина еще с утра проверила, что в снятом номере есть подходящая для ее целей кровать. Она пропустила наручники через один из прутьев и положила оба браслета в изголовье. Теперь Ирина снова посмотрела на себя в зеркало и попыталась соблазнительно улыбнуться – на этот раз получилось.

Когда Цветков вошел, она все еще стояла перед зеркалом, делая вид, что занята со своим лицом. Это тоже была часть их игры – он входит в комнату, подходит к ней со спины, кладет одну руку ей на ягодицы, а второй проникает под блузку. Сегодня все было, как обычно.

Через пару минут она откинула голову ему на плечо и прошептала:

– Раздевайся, а я пока налью вина.

– Не хочу вино – хочу тебя.

– Получишь, но прежде мы выпьем вино – будь послушным и получишь все, о чем можешь мечтать.

Он продолжил обнимать ее, но не стал противиться, когда Ирина выбралась из его рук. Откупоренную бутылку из темного стекла и два пустых бокала Цветков оставил прямо на полу рядом с дверью. Ирина прошла к ним и нагнулась, чтобы взять.

– Замри.

Ирина послушно замерла, и выпрямила спину только спустя минуту, добавив в свои движения неспешной томности. После этого она прошла к окну, поставила бокалы на подоконник и наполнила их.

– Ну, чего ты там прячешься?!

Плотная штора скрывала от взора Цветкова часть фигуры его любовницы. Ирине явственно слышалось нетерпение в его вопросе. Она надела улыбку и повернулась к Фаддею. Передала ему бокал красного вина, ловившего отблески света лампы своей кровавой поверхностью. Ирина подняла свой бокал и спросила:

– За что хочешь выпить?

– Не очень-то хочу, так что решай сама.

– Хорошо. Тогда за благословенную судьбу, которая позволила двум странным людям найти друг друга!

Ирина выпила вино несколькими большими глотками, в голове мгновенно зашумело, а лицо обожгло жаром. Цветков опустошил свой бокал на две трети, а после этого посмотрел краем глаза на фигуру любовницы. Он решительным жестом поставил бокал и протянул руку к ее колену. Ирина отпихнула его руку и отступила назад:

– Ляг на спину – сегодня я оседлаю тебя!

Он немного потерянно улыбнулся, но подчинился. Ирина мгновенно запрыгнула на него сверху и села Цветкову на грудь. Она взяла его за запястья и завела их за голову своему любовнику.

– Что ты?..

Ирина не дала договорить, прижав указательный палец к его губам.

– Тсс... Сегодня ты будешь послушным и доверишься мне. Помнишь, я говорила, что у меня для тебя сюрприз?

Ирина защелкнула один из браслетов на запястье Цветкова – эти наручники новомодной конструкции запирались и без ключа, одним движением. Он резко задрал голову и увидел наручники, а после этого отдернул второе запястье.

– Что за глупость?!

– Был когда-нибудь обездвиженным под разгоряченной женщиной?

Ирина попыталась сделать свой голос жестким, но сама не переставала улыбаться. Наконец, Фаддей переборол недоверие и ответил на ее улыбку, а затем сам протянул свободную руку к изголовью. Ирина закрыла второй браслет.

В следующие десять минут она сделала с ним все, что обещала. Он даже несколько раз назвал ее Ириной, хотя обычно давал другое имя. Она чувствовала себя полностью раскрепощенной, даже более – свободной. Совершенно и целиком освободившейся от всех тяжестей жизни.

– Что-то мне...

Цветков не договорил. Он часто задышал, как будто начал задыхаться. Ирина мгновенно покинула своего любовника и отошла от кровати, а затем произнесла, трясущимся от напряжения голосом:

– Ноябрь 1917-го. Александровский вокзал. Молодой юрист с женой, приехавшие в Москву после свадьбы, и пьяный ты с пистолетом. Помнишь это?!

Цветков продолжал задыхаться и смог произнести лишь:

– Что ты?..

Ирина испытала вдруг настоящее блаженство – она наконец-то видела Цветкова умирающим. Теперь в ее голосе не было напряжения:

– Я убила тебя десять минут назад, Фаддей. Но я мертва из-за тебя уже целое десятилетие. Жаль, что ты умрешь так быстро! Жаль, что не успеешь измучиться, как я!

Неожиданно Цветков посмотрел ей в глаза и прокричал через силу:

– Да кто ты такая, черт возьми?!

– Совсем не помнишь меня, Фаддей?

Ирина сдернула с головы ненавистный парик и швырнула его на кровать к ногам Цветкова.

– А без этой вонючей шапки тоже ничего не вспоминается? Я та, кого ты сделал вдовой! Я была женой того молодого человека, которого ты застрелил!

Цветков ничего не ответил – почти все силы у него уходили на то, чтобы продолжать дышать.

– Неужели ты действительно не помнишь? Неужели... неужели я не одна такая? Скольких ты убил Фаддей?

– Так... было... нужно...

– Скольких?!

Он неожиданно резко дернулся, а после этого заговорил сквозь наступающий кашель:

– Это... это ведь был... худший день... в твоей жизни...

Отчего-то Ирина не смогла стоять на ногах после этих слов. Она оперлась рукой о стену и сползла по ней на пол. Из груди вырвался крик застарелой неутраченной боли.

– Самый... худший... худший день твоей жизни... был для меня... всего лишь... четвергом...

Кашель стал стихать, затем перешел в крик, а после этого все стихло.

Через десять минут Ирина вышла из номера и закрыла его на ключ. Лицо ее было совершенно белым, она чувствовала, что может упасть в обморок в любой момент. Ресторан еще работал – вечер был не такой уж и поздний. Ирина попросила себе чай и села за тот столик, за которым не больше часа назад

ужинала с Цветковым. Ей показалось, что здесь пахнет трупом, поэтому она пересела за соседний. С каждым мгновением стальная хватка истерики ослабевала, заменяясь покоем.

Ирина отпила чай. Это было недурно, только чуть остыло. Она поставила чашку и забралась рукой в свою сумочку. Достала оттуда старую фотокарточку – молодой человек с серьезным лицом и девушка, которая не может сдержать рвущееся наружу счастье. Девушка одета в свадебное платье, а не в траур – она совсем не похожа на Ирину. Печальная женщина перевернула фотокарточку и написала на обороте карандашом: «Я сделала!»

Она оставила фотокарточку на столе перед собой. Неспешно допила чай. Достала из сумочки карманный пистолет и взвела его. Она не знала, кому молиться о том, чтобы он сработал. Пистолет она достала сегодня же днем. Через размышление Ирина пришла к решению убить Цветкова более надежно – ядом. Но сама она так умирать не хотела. Не хотела задыхаться и кашлять. Не хотела даже в смерти уподобляться своему врагу.

Ирина приставила пистолет к своему виску, посмотрела на фотокарточку в последний раз и нажала на спусковой крючок.

8

Дмитрий принял гильзу из рук Стрельникова и присмотрелся настолько внимательно, насколько был способен. Форма, именуемая оружейными людьми бутылочной, прямоугольная канавка фланца, небольшой калибр и полное отсутствие хотя бы одной циферки, хотя бы одного символа. Белкин убрал гильзу от лица и моргнул несколько раз, смачивая напряженные глаза – у него не оставалось ни малейших сомнений в том, что в квартире Осипенко он нашел такую же гильзу.

Дмитрий вновь подошел к труп и всмотрелся в раны Родионова. В его разуме начала рисоваться новая картина – первый выстрел мог быть в голову, но маломощная пуля не убила Родионова, поэтому убийце пришлось стрелять второй раз...

– Товарищи следователи, ну что, будем опрашивать соседей или завтра уже?

Варламов, по-видимому, провел свою воспитательную беседу, и теперь вернулся в квартиру Родионова. Дмитрий неприязненно поморщился – старший милиционер его отвлек. Стрельников поспешно ответил:

– Никакого «завтра»! Верните вашего человека к этой двери, а сами следуйте за мной. Митя, вызывайте Пиотровского. Где здесь ближайший телефонный аппарат?

Последний вопрос был обращен к изрядно поскучевшему Варламову. Очевидно, старшему милиционеру не улыбалось проводить сегодняшний вечер в опросах местных жильцов.

Через пять минут Белкин выбрался из подъезда на сумрачную улицу и направился к выходу со двора. Хитровка продолжала жить своей жизнью, разумеется, не заметив потери одного из своих несчастных пассажиров. Раздавалась женская брань и пьяная песня, донесся из-за крыш громкий звук разбившегося стекла, всполошивший стайку воробьев. Дмитрий отчего-то остановился, увидев, как они вспорхнули в небо, и не мог отвести от маленьких птиц взгляд в течение целой минуты.

Ближайший телефонный аппарат вполне ожидаемо находился в местном отделении милиции. Белкин не был уверен, что Пиотровский в этот час все еще был на месте, но дежурный с Петровки обнадежил Дмитрия, сказав, что криминалист еще не уходил.

Исполнив поручение, Белкин поспешил вернуться к Стрельникову, однако ошибся в потемках поворотом и оказался не в том дворе. Поплутав по запущенным, грязным переулкам и так и не встретив никого, кроме одного единственного пьяницы, устроившегося на ночь на одной из скамеек, Дмитрий вышел, наконец, к нужному дому.

Виктора Павловича Белкин нашел в комнате, соседней с комнатой Родионова. Здесь было так же бедно, но хотя бы чисто. Стрельников уже некоторое время общался с побитым жизнью маленьким человеком, одетым в костюм, который когда-то был вполне пристойным, но теперь представлял собой одни лишь бесчисленные заплатки. Очевидно, это и был нашедший тело Рубанов – приятель

погибшего. Дмитрий, вспомнив брошенную между делом фразу Варламова о том, что Рубанов тоже порой привлекал к себе внимание милиции, не смог соотнести ее с человеком, в котором проглядывали то здесь, то там хорошие манеры и воспитание.

– ...А не появился ли в компании товарища Родионова какой-нибудь новый знакомец в последнее время? Может быть, кто-то преследовал его?

– Про то знать не могу, товарищ следователь, мы с Петей... с убитым всегда вдвоем сидели. Так-то у него дружки были, конечно, но это не компания – так, водочная братия. Петя на самом деле человек-то некомпанейский был. Все больше один. Даже выпивал один обычно – меня звал, когда говорить с самим собой надоедало.

– А что, имел такую привычку?

– Еще как, товарищ следователь! Иногда целыми дням «бу-бу-бу» из-за стены. Поначалу, как его подселили, я раздражался сильно, а потом привык. Ну и во время посиделок тоже частенько, как выключался он. То взгляд в одну точку уставит, то вдруг, наоборот, встанет, забегает, руками махать начнет. И все говорит-говорит-говорит...

Рубанов замолчал, а потом бросил взгляд на Варламова, имевшего скучающий вид, и обратился к нему:

– Ты уж не серчай, Семен Архипыч, но Петины «безобразия», за которые ты его давил, все чаще вот такими вот разговорами с собой и были. И не трогал он никого, только шумел иногда.

– Да ты уж на жалость то не жми, Рубанов! И буянил Родионов, и окна бил, и к женщинам приставал.

– Да я и не жму, Семен Архипыч, все понимаю – работа у тебя такая.

Виктор Павлович поспешил вернуться к более осмысленному ходу разговора:

– Он все время так себя вел, Савелий Владимирович?

– Нет, конечно. Вспышками. Мог всю неделю нормальный-нормальный ходить, а оба выходных «бу-бу-бу» за стенкой.

– А вчера ночью вы слышали его через стену?

– Я вчера вечером немного перестарался, так что часов с восьми уже ничего не слышал. Уж извиняйте, товарищ следователь.

Виктор Павлович невозмутимо кивнул, делая пометку в своих записях, а вот Дмитрия начинала раздражать досада на этот мир алкоголиков, которые ничего не видят, не слышат и не запоминают. Пока что убийство Родионова выглядело «висяком» – одной гильзы мало, обязательно нужно было что-то еще. Чтобы убийцу кто-нибудь увидел или услышал, чтобы он оставил какой-нибудь осязаемый след.

– Получается, звуки выстрелов вы тоже не слышали?

– Получается, что так, товарищ следователь... только я вот тут понять не могу одного – даже сильно перебравший, я все равно должен был хотя бы проснуться от выстрелов. Тут стены-то нарощенные – я иногда даже то, о чем именно Петя болтал, мог услышать, а выстрелы должны были прозвучать так, как будто я в той же комнате нахожусь, но не было звуков таких. Простите еще раз, товарищ следователь, тут вам, наверное, соседи мои смогут помочь.

– А о чем он обычно говорил, Савелий Владимирович?

Белкин посмотрел на Виктора Павловича, но по его лицу нельзя было прочесть подоплеку этого вопроса. Дмитрий глянул на Варламова – тот тоже был немного удивлен.

– Да разное самое. Про фотографии любил, про женщин, ругался много, ну и о себе тоже.

– А что о себе?

– Ну, много чего, товарищ следователь. Я, считайте, всю его судьбину из этих разговоров успел узнать. Про мать, про лапти, про семнадцатый год.

– А скажите, Савелий Владимирович, он упоминал о чем-то необычном, каком-то событии в своей жизни, может в молодости, которое могло бы подтолкнуть кого-нибудь к тому, чтобы его убить?

– Так вы думаете, что кто-то слышал слова Пети и решил его убить за прошлое?

– А было в этом прошлом что-то такое...

Виктор Павлович осекся внезапно и бросил быстрый взгляд на Варламова, а после этого закончил:

– ...что могло бы подтолкнуть кого-нибудь к убийству?

Рубанов, казалось, был немного ошарашен тем, что его приятеля могли убить из-за глупой привычки болтать с самим собой. Потом ошарашенность прошла и сменилась испугом. Рубанов поочередно посмотрел на Стрельникова, на Варламова и, наконец, на Дмитрия, потом опустил взгляд и уставился на свои руки:

– Да я и не помню уже толком, товарищ следователь.

– Было или нет, Савелий Владимирович?

Голос Стрельникова вдруг стал сухим и жестким, что очень контрастировало с его привычным добродушием. Через несколько секунд Рубанов глухо произнес:

– Нелегкая у Пети жизнь была. И гадости человеческой в ней было много. Проблема в том, товарищ следователь, что если дело в прошлом, то слишком за многое его могли убить.

– Например?

Рубанов неожиданно поднял голову и посмотрел растерянno:

– Например? Товарищ следователь, у вас не найдется папироски?

Белкин полез в карман, но Варламов оказался быстрее. Рубанов долго прикуривал, будто откладывая свой ответ. Наконец, он заговорил:

– Например, Петя и еще несколько с ним изнасиловали молодую женщину в начале 1919-го года. Он рассказал, что она вырвалась и убежала в зимнюю ночь в том, что успела схватить. Он рассказал, что жил потом в этой комнате и продавал книги, оставшиеся от несчастной женщины. Он даже запомнил, что там были почти одни лишь стихи. Еще, например, Петя служил в ЧК, правда, недолго – в 21-м или 22-м году. Говорил, что именно после этого начал пить, не останавливаясь. Например, Петя и те, кто был с ним, застрелили человека в январе 1918-го года. И еще одного чуть раньше.

Товарищ следователь, с точки зрения любой морали Петя был плохим человеком и сам это осознавал. Но никто не наказал бы его сильнее, чем он наказывал себя сам, медленно убиваясь этой дрянью.

В глухой тишине, воцарившейся в комнате, чрезвычайно громким показался звук карандаша, скребущего бумагу – Виктор Павлович сделал очередные записи, а потом неожиданно бросил:

– А в подавлении Тамбовского мятежа он участвовал?

Дмитрий вновь посмотрел на коллегу. Белкин прекрасно помнил об этой детали биографии первой жертвы странных маломощных пуль, но не ожидал, что Виктор Павлович решит так сразу потянуть за эту тонкую ниточку. Рубанов выпустил дым из легких и отрицательно помотал головой:

– Вот об этом я никогда от Пети не слышал, товарищ следователь. Впрочем, я не могу ручаться, уж простите.

Через два часа, когда до превращения сегодня в завтра оставалось около двадцати минут, Стрельников и Белкин смогли наконец покинуть Хитровку. За это время Виктор Павлович успел пообщаться с остальными соседями Родионова. Никто ничего не слышал, никто ничего не видел, Родионова никто добрыми словами не вспоминал, но и радости от его смерти никто не испытывал или, по крайней мере, не показывал.

Дмитрий вместе с непрестанно ворчавшим Нестором Адриановичем поработал успешнее – им удалось найти вторую гильзу. Пиотровский тоже сразу вспомнил убийство на Тверской и стал от этого еще более ворчливым, хотя это казалось почти невозможным. У криминалиста все еще не было ответа, из какого оружия были убиты Осипенко и Родионов. Все очевидные варианты он уже отмел и теперь собирался заняться неочевидными.

Организовать вывоз тела вечером не получилось – в Боткинской сказали, что до утра труп принять не смогут, потому что не смогут. В другие больницы даже звонить не стали. Пришлось оставить труп до утра в опечатанной квартире в надежде на то, что за ночь к нему никто не сунется. От этого беспорядка даже всегда спокойный Стрельников в сердцах хлопнул рукой по столу.

Стоило Пиотровскому спрыгнуть из кузова их грузовичка, как Виктор Павлович придвинулся к Белкину:

– Не хотелось при Несторе Адриановиче, а то он еще не так что-нибудь поймет, и завтра на Хитровке уже не протолкнуться будет от Владимирова и его особой группы. Что же вы обо всем это думаете, Митя?

– Думаю о том, насколько связаны эти два убийства.

– И насколько связаны их жертвы. Мне кажется, найдя ответ на один вопрос, мы найдем ответ и на другой.

– А если оба ответа будут отрицательными, Виктор Павлович?

– Тогда дело Осипенко будет грызть ОГПУ, а дело Родионова мы. Не знаю, какие успехи у Владимирова, но в наши перспективы мне не очень верится. А еще мне не верится в то, что ответы будут отрицательными.

– Может, в Москву просто завезли какое-то необычное оружие, и теперь оно будет ходить по рукам у разномастных мерзавцев?

– Не любят разномастные мерзавцы необычное оружие – слишком легко отследить. Кроме того, представьте: ну вот берем мы такого субчика с редким пистолетом, а на столах у нас, например, пять дел с ранениями из таких

пистолетов – соблазн завязать их на одном человеке ужасный, прямо-таки трудно устоять. И большинство заинтересованных лиц, и по ту, и по эту сторону уголовного кодекса это понимают. Здесь и прячется главная непонятность для меня, Митя.

Вот я профессионал, которому поручают убить уважаемого товарища Осипенко. Я беру редкое оружие, которое никто никогда в Москве не видел. Разумнее всего для меня было бы оставить оружие рядом с трупом Осипенко или выбросить в ближайшую большую воду с течением или глубоким дном. Но вместо этого я убиваю хитровского алкоголика Родионова из этого же пистолета, прекрасно понимая, что теперь редкий пистолет, это почерк, а не способ запутать след. Не понимаю.

– А может быть, он просто идиот?

– Нет. Не похоже. Он качественно исполнил убийство Осипенко. Он прошел незамеченным к Родионову. Более того, смог сделать так, чтобы на этот раз даже выстрелы никто не услышал. И это отдельная загадка.

– Послушайте, Виктор Павлович, а что если кто-то специально ведет нас по ложному следу? Профессионал, убивший Осипенко, действительно решил бросить оружие в большую воду – он нашел дурачка, который купил у него пистолет и пошел с этим пистолетом на убийство Родионова, отталкиваясь от мотивов, которые мы пока что не понимаем. То есть, это одно оружие, но два совершенно разных убийства.

– Может быть, может быть...

Стрельников замолчал, размышляя, потом хлопнул себя по колену:

– Вилами по воде писано! Нужно больше! Нужны свидетели, нужен пистолет, нужно, чтобы он или они ошиблись, потому что пока мы торкаемся, как новорожденные щенки.

Дмитрий застал Георгия Лангемарка, когда тот выходил из своего подъезда. Георгий был задумчив и сконцентрирован на чем-то, поэтому даже не сразу ответил на приветствие друга.

– Добрый день, Митя. Слушай, у меня сейчас кое-какие дела – подходи завтра, если получится. У меня для тебя есть несколько новых «квадратов», которые тебе в прошлый раз понравились.

Белкин расстроено кивнул, пообещал прийти завтра и уже собрался уходить, но Георгий окликнул его:

– А поехали со мной! Возможно, тебе это тоже будет интересно.

– А куда ты?

– В «Восточку»... в Институт востоковедения. Меня пригласили там провести лекцию.

– Там будет много людей?

– Надеюсь!

Георгий посмотрел в глаза Дмитрию и спокойным голосом добавил:

– Да, там будет много людей, но мне будет приятно, если ты составишь мне компанию.

Белкин подавил первый порыв и кивнул.

– Хорошо. А меня вообще пустят?

– Это не программная лекция, так что вход свободный.

Через десять минут они забрались в трамвай. Белкин инстинктивно отшатнулся, увидев копошащегося шумного монстра из ночных кошмаров, но заставил себя пойти за Лангемарком. Отступать было поздно – он уже согласился поехать.

Дмитрий попытался составить корректный магический квадрат в уме, но гомон был нестерпимым и разрушал его мысли. Чтобы хоть как-то спрятаться от человеческого шума Белкин решил породить свой шум:

– А на какую тему будет лекция?

– Помнишь, в прошлый раз я работал над очередным пересказом истории сорока семи ронинов?

Дмитрий помнил лишь что-то очень расплывчатое с числом сорок семь, но все равно кивнул. Георгий продолжил:

– В той книжке, которая попала ко мне в руки, действие было перенесено из среднего Эдо в ранний Тайсе – начало десятых годов. Работа сравнительно старая – для автора ранний Тайсе был современностью. Мне показалось забавным – если вдуматься, то период Тайсе был эпохой, вполне смахивавшей на Сегунат из-за расстройств императора... Ты ведь половину из того, что я сказал, не понял?

Георгий оборвал себя на середине фразы и посмотрел на Дмитрия с улыбкой. Белкин улыбнулся в ответ и утвердительно кивнул.

– Прости, увлекся. В общем, просто слушай. Все эти периоды на самом деле не очень важны – история вневременная. Надеюсь, тебе будет интересно.

Георгий вдруг отвернулся и уставился в окно. Даже Дмитрий, при всех своих проблемах в чтении человеческих чувств, понял, что его друг просто волнуется. Чтобы немного растормозить Лангемарка он спросил:

– Так о чем эта история?

Георгий бросил, не отвлекаясь от созерцания заоконья:

– О мести.

Оставшаяся часть пути прошла в молчании. Людей вскоре стало чуть поменьше, и Дмитрий даже смог получить некоторое удовольствие от поездки.

Московский институт востоковедения приютился в Большом Златоустинском переулке, неподалеку от Лубянской площади. Это был аккуратный двухэтажный особнячок. Несмотря на близость к шумным центральным улицам, в субботу здесь царила почти что тишина и безлюдье. У дверей курил представительного вида зрелый мужчина, у которого на лице было написано академическое звание. Неподалеку приткнулась стайка из трех молодых парней, оживленно споривших о том, куда им сейчас направиться. Лангемарк уверенно прошел к дверям. Дмитрий следовал за ним, наслаждаясь простором и прохладой после тесного трамвая. Георгий приветственно поднял руку:

– Добрый день, Николай Михайлович!

Куливший человек кивнул, но ничего не ответил. Георгий поравнялся с ним, поздоровался за руку, а после этого, не задерживаясь, прошел внутрь. Здесь народу было больше, хотя никакой толпы не было и в помине. Лангемарк ориентировался в этом здании, как у себя дома и, похоже, многих здесь знал, потому что, как со старым другом здоровался едва ли не с каждым вторым встречным.

Вскоре они оказались в небольшой аудитории, в которой, несмотря на конец мая, было весьма прохладно. Георгий по-хозяйски уселся за преподавательский стол и углубился в записи. Дмитрий, не желая ему мешать, сел вплотную к стене и прижался к ней спиной, чувствуя приятный холодок.

Через сорок минут, когда аудитория заполнилась примерно на половину, к Георгию подошел низенький, немного нескладный человек с толстыми стеклами в очках. Лангемарк тут же подскочил на ноги, возвысившись над подошедшим едва ли не на две головы. Человек заговорил неожиданно поставленным громким голосом, обращаясь к аудитории:

– Добрый день, товарищи учащиеся и просто интересующиеся! Спасибо всем, кто пришел – могу вас заверить, что вы не потратите время впустую. Сегодня лекцию прочтет большой друг нашего института, выпускник Сан... Ленинградского государственного университета, переводчик и японовед товарищ Лангемарк. Георгий Генрихович, приступайте!

Невысокий человек отошел от кафедры и занял место в первом ряду. Георгий обвел аудиторию взглядом, то же решил сделать и Дмитрий. В основном пришли

студенты, но нашлось и несколько человек постарше. Кто-то скучал, кто-то был заинтересован, кто-то уже что-то записывал. Взгляд Белкина наткнулся на девушку, сидевшую через два ряда от него. Уже в мае у нее были выгоревшие на солнце волосы, при этом кожа оставалась бледной. Эта странность и привлекла внимание Белкина, но не более чем на несколько секунд, так как Георгий начал говорить:

– Спасибо, Федор Ипполитович. Добрый день, товарищи слушатели! Тема у нас сегодня довольно специфическая, поэтому я хочу задать несколько вопросов, чтобы понять степень вашей осведомленности. Итак: кто такой самурай?

На этот вопрос ответ нашелся довольно быстро, но вот, ни о ронинах, ни об «Инциденте Ако» никто из присутствующих не смог ничего сказать.

– Хорошо. В первую очередь, следует разобраться с понятием «ронин». Фундаментальной особенностью самураев, как социального слоя, был профессионализм. Именно благодаря восприятию воинского искусства, как своей профессии самураи в ранние периоды и смогли отделиться от прочих вооруженных людей. Для самурая война – это работа, а за работу полагается награда. Тот, кто оплачивает самурая его службу, тот, кто дает ему возможность заниматься воинским ремеслом, является для самурая самым важным человеком. Весь корпус самурайской этики вертится вокруг верности работодателю. Смерть за своего работодателя – есть лучшая смерть. Его смерть – есть величайший позор. Мечь за его смерть – есть абсолютная цель.

Однако во все эпохи вплоть до отмены самурайства количество профессиональных воинов было намного больше необходимого. Отсюда берется ронин – самурай, у которого по какой-либо причине нет работодателя, нет господина. Этот человек может соответствовать всем самурайским добродетелям, но с точки зрения традиционной воинской этики он просто-напросто бесполезен. В то же время японское общество относилось к ронинам с определенным пониманием – их положение само по себе не считалось бесчестьем. Ведь причины, по которым самурай остался без господина, могли быть очень разнообразны и не обязательно являлись следствием ошибки или проступка самурая. Так, по завершении Гражданской войны XV-XVI веков, после объединения страны под властью сёгунов Токугава, многие феодалы массово сократили свои личные самурайские армии, и в положении ронинов оказались тысячи воинов, которые не совершили ничего порочащего их честь. «Увольнение» самураев и после этого было главной причиной появления ронинов

в обществе.

Однако существовала и еще одна значительная причина появления ронинов – смерть господина. Если господин умирал от естественных причин, то обычно это не считалось позором для его самураев, поэтому они, либо становились ронинами до того момента, когда найдут себе нового господина, либо поступали в услужение к наследнику своего прошлого работодателя. Но если самурай не смог уберечь господина от насильственной смерти, он терял свою честь и получал очень весомую причину для самоубийства. Собственно, выбор для самурая в такой ситуации был прост – самоубийство или месть. Только так можно было восстановить свою честь.

Георгий сделал паузу и глотнул воды. Дмитрий слушал с интересом, отложив все прочие мысли – ему нравилось слушать друга, когда тот говорил о том, что было таким чуждым для Белкина, но в то же время притягательным и отчего-то знакомым. Как будто он уже знал однажды все эти правила, видел настоящих самураев на улицах, общался с ними, но напрочь забыл об этом и теперь мог вспомнить лишь усилиями Георгия.

– ...Тут следует заметить, что часто отношения между самураем и господином выходили за рамки чисто деловых. Так, самурай мог считать себя слугой человека, который спас ему жизнь. Молодые люди, которые лишь учились воинскому ремеслу, часто воспринимали своих наставников как господ. Понимание связи между слугой и хозяином вообще является одной из основ японского мировоззрения. Самурай служит своему господину, но и сам господин – всего лишь слуга императора, который является абсолютным господином. Таким образом, преданность императору практически никогда в истории не конфликтовала с преданностью господину.

Возвращаясь к ронинам – даже если самурай стал ронином, не допустив бесчестия, он все равно воспринимался властью и обществом с опаской, ведь самурай без хозяина подобен мечу в руках слепца.

Итак, далее мы обратимся к одному из самых ярких проявлений природы самурайства на примере истории о сорока семи ронинах из Аки. В 1701-м году Асано Наганори, правитель княжества Аки, расположенного на юго-западе острова Хонсю, был призван в Эдо – это старое название современного Токио. Он был вызван для исполнения чиновничьей службы при дворе своего господина – сегуна Токугавы Цунаеси. В столице у него сложились плохие отношения с

другим слугой сегуна Кирой Есинакой. Дошло до того, что в апреле того же года, после очередной ссоры Асано напал на Киру с обнаженным мечом. После этого сегун Цунаеси, который в течение всего своего правления боролся за порядок и неукоснительное соблюдение законов в стране, приказал Асано совершить самоубийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dolgirev_aleksandr/sokrytoe-v-listve

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)